

1972. Олигарх

Автор:

Евгений Щепетнов

1972. Олигарх

Евгений Владимирович Щепетнов

Михаил Карпов #11

Отшумел, разбрызгивая горячие осколки металла и кровавые брызги ожидаемый ГКЧП. Прошло время разбрасывать камни, настало время их собирать. Михаил Карпов наконец-то свободен ехать туда, куда хочет, и делать то, что захочет. В разумных пределах, конечно. То что он задумал на первом этапе хоть и не без неприятностей, но получилось. Теперь нужно стать самым богатым человеком на Земле, чтобы никто, никто не мог диктовать ему свои условия! И наоборот – стать гарантом того, что история не вернется на прежнюю кривую дорогу. Как этого добиться? Это надо хорошенько обдумать...и воплотить в жизнь. Если получится, конечно.

Евгений Щепетнов

1972. Олигарх

Пролог

«Пациентка – молодая женщина, рост 186 сантиметров, вес семьдесят шесть килограммов. Спортивное телосложение, содержание жира в организме минимальное. Очень сильна, по словам свидетелей – легко подняла одну из пациенток, крупную, весом под сто килограммов и зашвырнула ее в пруд, за что

была лишена прогулок на неделю. И проделала это все спокойно, с безмятежным выражением лица. Опять же со слов свидетелей, агрессию не проявляла, а ее действия были ответными. Брошенная в пруд напала на одну из пациенток и едва не нанесла ей травмы».

Мужчина лет тридцати пяти-сорока в белоснежном халате и в очках с золотой оправой вздохнул, уставился в экран ноутбука, обдумывая напечатанное. Усмехнулся, представив картину того, как толстуха с уголовным прошлым истошно визжа летит в пруд, посерьезнел, продолжил.

«Внешность пациентки европейская, пациентка похожа на актрису Бриджит Нильсен, и похожесть усиливается короткой прической очень светлых волос, явно «Под Нильсен». Однако на вопрос, знает ли пациентка, что похожа на данную актрису, та ответила вопросом: «Кто это такая?». Возможно, что это свидетельство того, как пациентка пытается скрыть факт наличия в ее биографии некоторых вопросов.

Тело пациентки ухоженное, явно она заботилась о себе. Имеются следы депиляции. На левой ноге – рубцы, полученные в результате операции, и следы огнестрельных ранений. И тут наблюдается странный, необъяснимый факт: за время нахождения пациентки в психиатрической лечебнице ее рубцы стали выглядеть более старыми, чем при поступлении, и пациентка практически перестала прихрамывать. Также, у нее ни разу не наблюдались приступы эпилепсии, хотя в лечебницу пациентка поступила сразу же после такового приступа.

В течение всего того времени, что пациентка находится в лечебнице (а это около месяца), ей ежедневно выдавались ноотропные препараты, что никак не повлияло на ее память. Она по-прежнему не помнит своего имени, местожительства и обстоятельств, предшествующих попаданию в лечебницу.

Пациентка не знает, в каком году, в каком месте она находится. Но при этом осознает, что это психиатрическая лечебница, а я ее лечащий врач. Ни под одно определение психического состояния она не подпадает.

Полностью контактна, доброжелательно настроена к собеседнику, не проявляет агрессии.

Очень опрятна, даже щеголевата. Больничный халат носит так, будто это дорогое вечернее платье.

Речь спокойная, при этом пациентка употребляет слова, присущие образованным людям, не допуская мусорных слов и междометий. Абсолютно литературная речь. Мыслит четко, логично, при этом понимает, что больна и не отрицает необходимости лечения. Относится к себе критично, и в разговоре с врачом неоднократно говорила, что в ее голове произошел какой-то сбой, и она будет очень благодарна, если врачи найдут причину потери памяти и восстановят потерянную информацию. И при этом не поддается гипнозу, даже под действием специальных препаратов».

Врач помотал головой, задумался – надо ли об этом писать? Он вообще не был сторонником теорий заговоров и не верил в агентов и шпионов, заполонивших страну. Блок сознания, не позволяющий загипнотизировать субъекта – это только для тупых романов о Джеймсе Бонде. И красotka, найденная в провинциальном городе, в самом обычном райотделе полиции совсем не походила на Мату Хари и Бонда вместе взятых. Ну...почти не походила. Откуда им тут взяться?! И зачем они, такие люди появятся в этой дыре?! Здесь никогда и ничего не случается...кроме растраты денег, выделенных на ремонт дорог. Но это уже вопросы к губернатору.

Не стал писать ни про какие ментальные блоки. Чуть это все. Просто есть люди восприимчивые к гипнозу, а есть те, кого гипноз не берет. Даже под специальными препаратами. И ничего огород городить. Применяй «бритву Оккама», и все будет хорошо. И снова защелкал клавишами ноутбука:

Предложенные ей для рассмотрения пословицы и поговорки расшифровала абсолютно точно, без каких-либо отклонений от нормы. Тест с пятнами Роршаха прошла стандартно, никаких отклонений от среднего уровня.

Настроение пациентки выяснить не удалось, так как она всегда находится в средне-доброжелательном настроении, и вывести ее из равновесия не представляется возможным. Она ни на что не обижается, всем довольна и благодарна. Что тоже является признаком психического расстройства, так как человек не может быть всегда и всем доволен. Даже после того, как ее лишили прогулок, она не высказала ни слова неудовольствия, а когда я спросил ее – почему? Пациентка пояснила, что есть определенный распорядок дня и правила поведения пациентов, и что она не должна была бросать хулиганку в пруд, а

нужно было донести информацию до администрации клиники. Однако ей доставило большое удовольствие поставить хамку на место, и потому она не жалеет о нарушении.

На вопрос: «О чем вы больше всего думаете?» – ответила, что думает о том, как будет жить после выхода из лечебницы, если ее память не смогут разбудить. Ведь у нее нет документов, она не знает, как и чем будет зарабатывать на жизнь.

На вопрос: «Что вас больше всего в жизни занимает?» – ответила то же самое – социализация в обществе, нахождение в нем своего места в связи с потерей памяти.

После серии других вопросов, выяснилось, что кроме главной темы – потеря памяти и нахождение своего места в обществе пациентку вообще ничего не занимает. Она хорошо ест, адекватно себя ведет, доброжелательна и равна с персоналом и пациентами. Ее они уважают, а после случая с брошенной в пруд уголовницей еще и боятся. Пациентка ный с кем не сходится близко, за исключением пациентки Кудасовой Елены, из-за которой и вышел вышеописанный конфликт (брошенная в пруд пациентка на нее и напала). Инициатором сближения была Кудасова, которая теперь не отходит от рассматриваемой пациентки, пытаюсь вовлечь ее в разговоры. Я не препятствовал этому сближению, надеясь, что в общении с Кудасовой могут всплыть какие-то факты из памяти пациентки. Эта методика принесла некоторые плоды – пациентка якобы припомнила, что зовут ее Анастасия, и фамилия ее предположительно Соломина. Мы приняли это к сведению и в дальнейшем она проходит по документам как Анастасия Петровна Соломина. Отчество Соломина не помнит, но предположила, что оно могло быть таким, как записано. Сказала, что так ей кажется.

Оперативная память у пациентки развита в высшей степени. Она легко запоминает цифры и группы цифр, превышая средний уровень развития оперативной памяти других людей в несколько раз. Долговременная память наоборот – имеет огромные лакуны. Вся жизнь «Соломиной» до того, как она пришла в себя в психиатрической лечебнице – будто вырезана ножницами.

Интеллектуальные тесты прошла блестяще, без единой ошибки. Была при этом спокойна и доброжелательно. Я предложил ей сыграть в шахматы, Соломина не отказалась, и я проиграл ей за несколько ходов. Трижды подряд. Она очень

умна.

Но при этом не умеет пользоваться простыми вещами, такими как мобильный телефон. Когда я предложил ей определить, что за аппарат в моей руке – она этого сделать не смогла. Как если бы никогда не видела ни одного смартфона.

Ее знания о мире ограничены – она ничего не знает о политической ситуации, не знает о государствах, существующих на Земле. Не слышала о пандемии, с которой борется весь мир. Но при этом много читала – классику, художественную литературу. Пишет без ошибок, красивым отработанным почерком.

Поставить окончательный диагноз не представляется возможным, но первичный диагноз – частичная амнезия в результате травмы головы. Собственно ни о какой травме пациентка не помнит, но скорее всего травма была, и результатом ее явились эпилептический припадок и амнезия».

Выдохнув, врач отодвинул ноутбук, снял очки и потер глаза. Он устал. Работы много, да еще этот чертов карантин! Вчера выявили двух «ковидников», так что теперь лечебницу закрыли, объявили красную зону, и...в общем – начались проблемы. С другой стороны будет меньше работы – теперь госпитализируют только буйных больных, а те, кто может потерпеть без больничного режима останутся дома. А тех, кого можно выпустить – после взятия теста и отрицательного результата отправят по домам. В каждом свинстве есть свой кусочек бекона – как говорят англичане.

Он прошел к столику, на котором стоял термос с кипятком, навел себе чашку кофе и уселся обратно, предварительно найдя в столе початую пачку печений. Ужасно хотелось спать, но дел еще было невпроворот.

Выпив кофе, он не почувствовал облегчения – спать хотел все-таки, и после пары печений он не заглушил голод, а есть захотелось еще сильнее. Потому врач все-таки захлопнул ноутбук и решил перенести дела на завтра. А может быть поработать вечером, дома. С тем и отбыл из клиники, предварительно осведомившись у дежурного врача – все ли в порядке в отделении, начальником которого он и являлся. Никаких беспорядков выявлено не было, пациентки мирно сидели по своим палатам, не откусывая соседу ухо и не выкалывая глаза, так что можно было с чистой совестью отдыхать.

Тойота-королла завелась с тихом шелестом и унесла врача к домашнему очагу, то бишь в трехкомнатную квартиру на улице Шелковичной.

Глава 1

– Эй, ты...слышь, чувырла! Иди сюда! Сюда, я сказала!

Настя повернула голову и без интереса посмотрела туда, откуда раздавался женский голос с эдакой наглой хрипотцой, присущей уголовным элементам. «Приблатненный» голос. Кому это она так? Неужто ей, Насте? Это было бы интересно...

Настю никто не трогал, никто не цеплял, хотя здесь кого только не было. Контингент, содержащийся в психбольнице, был очень даже разнообразным – от тихих «зомби», бродящих с направленным в пространство невидящим взглядом, до уголовниц, которых прислали сюда по решению суда для освидетельствования на предмет способности этих «клиенток» осознавать общественную опасность своих деяний. Например – была ли эта бой-баба в разуме, когда в магазине подрезала мужика, сделавшего ей замечание за то, что она громко выражалась нецензурной бранью, не обращая внимания на людей вокруг. Мужик это стоило жизни. Пьяная тварь воткнула ему нож в спину.

Настя краем уха слышала эту историю и видела бабищу – лет двадцати пяти возрастом, кряжистую и сильную, как мужик. Она весила под сто килограммов и объем ее бицепсов сделал бы честь какому-нибудь из бодибилдеров.

Настя прислушивалась ко всему, то происходило вокруг, впитывая информацию, как песок пустыни редкие капли утренней росы. Ей нужно социализироваться в этом мире, в мире, отстоящем от ее времени на пятьдесят лет, так что никакая информация точно не повредит.

Сейчас бабища докопалась до девчонки, поступившей в отделение пять дней назад. Довольно-таки красивая девчонка, только излишне надменная и нагловатая. Иногда нужно и помолчать, а она огрызается на слова санитаров, хамит врачам, а пациентов вообще ни в грош не ставит. Но вот что интересно –

несмотря на то, что поведение ее совершенно вызывающе – и врач, и санитары терпят все ее выходки, стараются уговорить, и вообще ведут себя по отношению к ней удивительно лояльно. Да и спит она в отдельной палате, в которой есть даже телевизор! И это притом, что для остальных пациентов телевизор только в общем холле, и включают его не каждый день. Поведи себя так какая-нибудь другая пациентка женского отделения – неминуемо получила бы в лоб текстолитовой дубинкой. Настя видела, как это происходит – возбухнула одна буйная мадам, бросившись на санитару с расставленными в сторону пальцами-когтями, и тут же получила в лоб дубинкой, после чего нормально потеряла сознание и завалилась на пол. Ну а потом загремела в изолятор, где ей (как говорят соратницы вокруг Насти) тут же вкатили порцию «серы», то бишь сульфазина, от которого человека изнутри будто сжигает огнем. И это в высшей степени неприятно, особенно когда ты привязана к медицинской кушетке.

В психиатрической лечебнице быстро ставят на место всех, кто возбуждает не по делу. Впрочем – и по делу тоже. Тут главное – отсидеть свой срок, и выйти на свободу не битой, в нормальном здоровом состоянии. А для того – соблюдай дисциплину, не устраивай истерик, не набрасывайся на санитаров и пациентов, в общем – будь нормальным человеком, а не...пациентом психлечебницы.

– Убери руки, сука! Убери! – Настя поморщилась, но смотреть в ту сторону не стала. Не ее дело. Пусть разбираются как хотят. Ей главное – пересидеть некий период, и в конце концов получить заветный паспорт. А с паспортом она уж как-нибудь да найдет себе работу. А пока снимет комнату – деньги у нее прикопаны в тайнике.

Ничего, устроится! До следующего июня дотянет, а там уже назад, в прошлое. В свой мир. Найдет здесь Зину, если она еще жива, узнает, как ее состояние, найдет жену Карпова, посмотрит что с ней случилось, вот функция Насти в этом мире в общем-то и завершилась. Фактически она ведь была сопровождающей и телохранительницей Зинаиды, умирающей в последней стадии рака. И ее сына, сына Карпова. А больше в этом мире ее ничего не держит.

Запрос в милицию из психбольницы уже сделали – и он ничего не дал. Не нашли Настю. Так что выпишут новый паспорт, и пойдет она по миру, «солнцем палимая, чистая, аки горлица».

ФСБ – как сейчас называется КГБ, само собой – на запрос ментов не ответит. Во-первых менты и не будут делать никакого запроса в ФСБ – с какой стати? Кто

она такая, чтобы ради нее лезли к «соседям» с запросами?

Во-вторых, информация о Насте засекречена, как и о любом штатном сотруднике КГБ, и никто никакой информации ментам не даст. Тем более что Настя проходила по ведомству внешней разведки, как самая что ни на есть настоящая разведчица-нелегалка. А это еще более засекреченная информация.

Кстати сказать, где-то ведь есть «настоящая» Настя Соломина, которой сейчас около восьмидесяти лет. Может даже еще и жива. Интересно было бы с ней встретиться...поговорить – как у той сложилась жизнь. Как оно...без Карпова? Хмм... да, вот было бы интересно встретить своего двойника.

– Отвали, сука! – Хлесткий удар, Настя повернула голову и заметила, как черненькая девчонка валится от могучего удара, нанесенного уголовной бабищей. Та довольно лыбится, а потом с размаху бьет черненькую в бок. Черненькая отлетает, как футбольный мяч, стонет, но подхватывает с земли ком земли и швыряет в бабищу. Попадает в глаз, бабища взрывается, хватается за глазницу, прочищая веки, и бросившись к сопернице, начинает ее избивать – зверски, пиная как футболист несчастный мяч, норовя попасть в голову и в живот.

Настя одним легким движением поднимается на ноги, в несколько широких шагов подходит к месту действия и схватив бабищу за руку отшвыривает ее прочь от жертвы.

– Отвали! Охренела, что ли?! Крыша едет?! Так таблеточки попей, ненормальная!

И тут же себя ругает – нельзя в психушке говорить пациентке, что она ненормальная. Это одно из самых страшных оскорблений. Тут все – по ошибке, всех засунули сюда «менты поганые», «урод-судья», «врачи-вредители» и «мрази-родня». А они совершенно здоровы и все понимают лучше, чем эти мерзкие придурки!

– Вставай! – Настя протягивает руку девчонке – не сильно она тебя? Как нарочно – вокруг ни одного санитаря! То бродят толпами, то ни одного!

– Специально – сквозь зубы шипит девчонка – Проучить решили. Один гад все клинья подбивал, мол, зайду к тебе после отбоя, а я его нахрен послала. Вот и решил эту мразь Любку подослать. Осторожно!

Предупреждение запоздало, но Настя успела повернуться, и удар ногой пришелся ей не в спину, а в сильное, мускулистое бедро. Но все равно было больно, и Настя едва не упала. Пиналась эта гадина очень даже умело, как мужик пиналась!

И тут же Насте прилетел кулак, от которого она успела увернуться, поднырнув под чисто боксерский удар.

Выдохнув, Настя перехватила руку Любки левой рукой, правой цапнула ее между ног, легко, будто та ничего не весила – подняла на вытянутые руки и чуть разогнавшись, будто копьеметательница запустила Любку в старинный пруд, вокруг которого собственно и гуляли пациенты. Пруд был очень старым, еще дореволюционным, от него пахло тиной и в нем прыгали мириады рачков-дафний, которыми аквариумисты кормят рыбок. Любка вошла в воду с грохотом и брызгами, как выброшенная из торпедного аппарата катера торпеда, и сразу же скрылась под водой.

Настя поморщилась – не дай бог утонет! Тогда ей просто будет нагоняй и изолятор, а со смертью этой гадины все осложнится. Точно продержат в больнице полгода, а то и больше – чтобы убедиться, что Настя больше не представляет опасности для окружающих. И еще – будут пичкать всевозможными мерзкими препаратами, от которых человек медленно, но верно превращается в овощ.

Но все обошлось – дерьмо не тонет. Любка вынырнула и с шумом, как самый настоящий гиппопотам выбралась на берег. Настя уже приготовилась снова дать отпор, но Любка пошла в больницу, оставляя за собой мокрую дорожку болотной воды.

– Щас нажалуетса и тебя засадят в изолятор – сплюнула кровью девчонка, и тут же без перехода сказала – Мне зовут Лена. А тебя?

– Я Настя – подумав секунду, ответила Соломина. Нужно было социализироваться, а как это лучше сделать, кроме как чаще общаясь с

хроноаборигенами?

- Вон, уже бегут, мрази! - снова сплюнула Лена, глядя на приближающихся к ним двух санитаров, и торопливо добавила - Увидимся. Подружимся. И это...спасибо!

Выйдя из изолятора через неделю, Настя с удивлением узнала, что ее перевели из душной общей палаты, в которой лежали десять человек в палату Лены, где в комнате на четверых, или даже шестерых пациентов, «ютилась» только одна, привилегированная пациентка. Там уже стояла вторая кровать - широкая, новая, длинная - как раз под стать Насте, а еще - было очень прохладно, ибо работал встроенный в окно кондиционер, роскошь просто невозможная для палаты психлечебницы. В общей палате даже окна нельзя было открыть, потому в ней всегда стояла удушливая жара и вонь. Вонь от невымытых тел, вонь мочи - некоторые пациентки мочились под себя, сортирная вонь - унитаз плохо смывал, а еще - некоторые просто не успевали до него добежать...

Настя некогда прошла такую подготовку, что эти запахи и такие трудности для нее были плевым делом, но...лето, жара, пот течет...а тут еще смердит, как в общественном сортире, и деться тебе отсюда некуда. И возмущаться нельзя - тут же запишут в историю болезни, представят агрессивной сумасшедшей, которая всем недовольна и склонна ко всему, чему угодно. Нет уж, лучше потерпеть и не выступать.

У Лены же - чистота, порядок, телевизор, кондиционер, холодильник, и даже окно открывается! Даром что на нем толстенная решетка, которую выдергивать только грузовиком. А еще - в «номере», иначе его никак не назвать - душ и туалет!

- Привет, подруга! - весело встретила ее Лена - Как ты? Откинулась с кичи? Есть хочешь? Тут мне родяки прислали всякой жратвы, давай, налегай!

- Но...это тебе прислали - попробовала сопротивляться Настя - Неудобно.

– Неудобно стринги через голову надевать! – отрезала Лена – Жри давай, знаю, что хочешь. Щас я чаю с лимоном наведу.

– Я в душ схожу, ладно? – сдалась Настя – В изоляторе – как в парной. Сто потов сошло.

– Давай, давай...а то несет как от козла! Вернее – козлихи! – недипломатично заметила Лена и захихикала – Да ладно, чо ты, подруга...не обижайся. Я шучу. Мойся скорее и вылезай, пожрем вместе. Поболтаем. Мне одной так скучно!

Настя с наслаждением вымылась, воспользовавшись душистым мылом и шампунем своей новой «подруги», потом с ее разрешения вытерлась насухо махровым полотенцем, и с отвращением натянув на себя пропотевший пижамный халатик наконец-то вышла из душа.

– Я щас скажу им, чтобы чистое тебе дали – хмыкнула Лена, осмотрев Настю с ног до головы – А то чистая, и надела такое уежище! И воняет. Я бы тебе мое барахло дала, не жалко, но размерчик не тот. Ты вон какая...большая! Щас!

Лена достала мобильный телефон (Настя так и не привыкла к такому виду связи, а ведь Карпов о нем рассказывал! Все равно – фантастика!), куда-то позвонила, и через десять минут в дверь (со стуком!) вошла медсестра и положила на кровать Насти стопку, в которой был пижамный халат, полотенце, и застиранные пижамные штаны – видимо вместо трусов.

Настя тут же сбросила грязный халат, натянула на себя штаны, сверху халат, и теперь уже на самом деле почувствовала себя чистой и здоровой. И очень голодной. В изоляторе кормили не очень-то сытно. Впрочем – как и в обычной палате. Как и всегда больничные повара удивительным образом умели превратить вполне приличные продукты в неудобоваримую массу, годную только для свиней. Это было во все времена, но в советское время хотя бы боялись творить такое безобразие. Теперь – «не боятся ничего, даже бога самого». Воруют...

– Садись! – Лена уже разложила на столе всяческие яства, и что поразило Настю – лежал самый что ни на есть обычный стальной нож. В психушке! Стальной нож! Что за хрень?!

– Ешь, не стесняйся! – сказала Лена, и проследив направление взгляда Насти, хихикнула – Удивляешься? Да, мне можно многое, чего нельзя другим. Папаня богатый, профинансировал так, что они все на цырлах передо мной бегают. Да ты ешь, ешь! И пей! Вот кофе давай пей. Или ты чай любишь? В общем – что хочешь, то и пей-ешь.

Она замолчала, посмотрела, как Настя взяла кусочек копченой колбасы и положила его на кусок белого хлеба, улыбнулась:

– А я почти хлеба и не ем. Толстею! И в спортзал хожу, тренируюсь...вернее – ходила! А все равно – чуть что мучное съем, и сразу килограмм плюс! Не хочу быть толстухой! Ненавижу толстух!

– А что так? – улыбнулась Настя, с удовольствием пережевывая упругое мясо – Что тебе толстухи сделали?

– А они как пугало! – тоже улыбнулась Лена – Вот мол, смотри, ты тоже такая будешь! А я не хочу быть такой! Я хочу оставаться вечно молодой, вечно стройной! А еще – мне не нравится мой рост. Чего я такая маленькая?! Почему мне не быть такой высокой...как ты, к примеру?! Обожаю высоких людей. И женщин, и мужчин!

– Хмм... – Настя подняла брови – Сразу и мужчин и женщин?

– Ну а чего такого? Женщины – нежные, с ними в постели хорошо. Мужчины – сильные, как схватит, как насадит! Ооо! Обожаю!

– Я это...как-то не очень по женскому-то полу. Вернее – никак! – осторожно сообщила Настя и приготовилась к тому, что ее сейчас попрут из палаты. Похоже, что девчонка взяла ее в качестве постельной игрушки. И Настю это ну никак не прельщало. Нет, она могла ради дела притвориться лесбиянкой – ради выполнения задания можно и нужно сделать все возможное, но чтобы здесь? Вот так? Нет уж...обойдется она без такой страсти.

– Да я тебя и не принуждаю, глупенькая! – хихикнула Лена – Хотя и не отказалась бы покувыркаться с такой красоткой. Просто мне скучно. А ты такая красивая, такая гордая....не такая, как все эти ублюдки! И сильная! Вон как ты Любку швырнула! Любка теперь на меня и не смотрит, боится.

– Ты вообще...как здесь оказалась-то? – осторожно спросила Настя, отпивая из кружки. Кофе был настоящим, молотым, что она тут же с удовольствием отметила. Хотя была не против и растворимого. Не до жиру, так сказать.

– Как оказалась? – Лена хихикнула – А пописала одного козла горлышком бутылки! Из-под виски. Толстое такое горлышко, острое! Приставал ко мне, а я не в духе была. Немного подпитая. Я так-то не против, когда пристают – на то они и мужики, чтобы приставать, но так нагло! Грязными руками хватать за киску! Козел душной! Я раз сказала, два сказала, три сказала...он уже и колготки порвал, ну я и врезала бутылкой по столу, а потом его исполосовала. Кровищи было! Ооо...это песня! Потом охранники меня хотели повязать. Им тоже досталось. А когда менты приехали, я одного мента порезала, другому яйца отбила. Скандал был! Папенька подсуетился, и засунул меня сюда – ну, типа я не в себе была, попытка изнасилования, я в расстройстве, помутнение сознания и все такое. Ну, чтобы со статьи соскочить. Только вот...не знаю, как прокатит. Раньше у меня тоже были случаи. Уж больно я не люблю, когда на меня наезжают. У меня и правда тогда крыша едет и всех хочу прикончить.

Она вздохнула, пожала плечами:

– Уж больно в колонию не хочется. И будут там такие вот как Любка пытаться надо мной измываться! Я там кого-нибудь порешу, и сяду еще глубже. Понимаешь, да?

– Понимаю... – медленно кивнула Настя, соображая, как ей использовать ситуацию в свою пользу. У нее появилась одна мыслишка – как отсюда выйти побыстрее и поинтереснее.

– Ну и вот... – продолжила Лена – мне тут пару недель отсидеться, сделают заключение, что я была невменяема в момент совершения. Назначат лечение, папенька забашляет доктора, и все закончится нормально.

Она помрачнела, закусила губу:

– Только вот с одним делом может быть проблема. Первый, кого я порезала – нерусский. Армян из местной диаспоры. Грозятся меня типа отловить и наказать. Папенька, конечно, телков ко мне приставит, но где гарантия, что это поможет?

Кстати, похоже что с Любкой – их работа. Я думала это местный расстарался, но это не он сам. Вернее, так: местный, но через него они меня хотели достать. Любка собиралась покалечить меня. Если бы не ты... Теперь какой-то другой пакости ждать, от кого – не знаю.

И тут же, без перехода, добавила:

– Поможешь мне?

– Как? – безмятежно спросила Настя.

– Прикроешь, если что? Ты сильная, вон как Любку киданула, и я тебе верю. Будешь моим телком?

– Кем?

– Ну...телком! Телохранителем!

– Тогда уж телкой – хмыкнула Настя, и Лена захихикала:

– Точно, телкой! Только ты на телку непохожа. Телки...они такие...ну...телки! А ты...опасная! Я видела, как тебя обходят стороной, боятся. А ты при этом ни на кого не нападала, никого не трогала. Кстати, а как ты сюда попала? Расскажешь? Я слышала, что у тебя памяти нет. Это как так?

– Ну...вот так – пожала плечами Настя – Очнулась тут. Документов нет, ничего нет. Ничего не помню. Имя тоже не помню – имя уже здесь выбрали. Говорят – пришла в отдел милиции и упала в припадке. Ну и...все. Что-то помню, а что-то не помню.

– Здорово! – восхитились Лена – может ты шпионка?

– Здесь? В этом городе? – усмехнулась Настя – Чего тут шпионить? Да и не гожа я для шпионки, рожей не вышла!

– Не скажи, не скажи... – задумчиво прищурила глаза Лена – Меня не обманешь! Если тебя как следует приодеть, накрасить...да ты вылитая Бриджит Нильсен,

точно!

- Замучили меня этой Нильсен! - фыркнула Настя - Не знаю я никакой Нильсен!

- Я щас тебе покажу! - всполошилась Лена - Идем сюда! Идем, идем!

Она подвела Настю к большому ноутбуку, быстро набрала запрос в поисковике, и на экран выплыли десятки фотографий. Настя вгляделась, недоверчиво помотала головой:

- Это она и есть, Нильсен?

Лена с удивлением посмотрела на Настю:

- Неужели и правда никогда ее не видела?

- Не видела - пожала плечами Настя и улыбнулась - И о том как-то не переживаю. Зачем мне какая-то актриса?

- Правда, и зачем она тебе... - с непонятной интонацией добавила Лена и тут же спросила - Тебе сколько лет? Ах да...забыла, ты же не помнишь. На вид тебе лет двадцать... Мне тоже двадцать. Папенька меня все замуж хочет спровадить, но я отбиваюсь. Подсовывает каких-то ушлепков, зато из хороших семей! Нефтяники! Газовики! Ну, так что, будешь моей...хмм...телохранительницей? Будем с тобой по клубам ходить, ты меня защищать станешь.

- Ты будешь бутылкой резать, а я получать в башку? - усмехнулась Настя.

- Ну, типа - да! - хохотнула Лена и тут же посерьезнела - Поверь, это был особый случай. Обычно я до такого не довожу. Но тут... Ладно, сколько ты тут в больничке проторчишь?

- А я знаю?! - искренне удивилась Настя - Мне нужно паспорт получить. Больница должна мне справку выдать, что я не опасна окружающим и справку о том, что у меня нет документов и все такое. На основании этого мне выдадут паспорт, ну и я...свободна жить под мостом. Бомжевать.

– Под мостом? – удивилась Лена, и тут же фыркнула – Ах да...забыла. Да не будешь ты жить под мостом. У меня будешь жить. Охранять меня станешь! Зарплату тебе сделаем, оденем, обуем. А насчет паспорта – я щас папеньке напишу, расскажу все, как есть – он пальцами щелкнет, так менты сами тебе паспорт принесут. Выйдешь вместо со мной. Кстати, размер у тебя какой? Не знаешь? Замеряем! Щас попрошу, чтобы рулетку принесли, вычислим твои размеры. Оденем как следует. Ну как, согласна меня защищать?

– А папенька согласится? – Настя посмотрела в глаза Лены, а та ей весело подмигнула:

– Да куда он денется? Одна я у него. Мама умерла...а я копия мамина. Папа ее очень любил. Рак печени. Ничего не спасло. Папенька заново женился, на телке чуть старше меня, и теперь у него комплекс вины – типа предал маму. Мужики такие...смешные! Мамы нет, так что же ему, засыхать? Ему лет-то еще всего ничего. Крепкий мужик, в силе. Но я ему об этом не говорю – пусть себе думает, что виноват. Больше мне любви достанется! Ха ха...

– Мать любила?

– Любила... – Лена помрачнела – Как можно не любить мать? Я и сейчас люблю. Одна она меня понимала. Такая же как я была...шустрая, чуть что – в драку! Они с папенькой на севере познакомились, когда он еще молодым инженером-нефтяником был. Потом сюда переехали. И вот... Ладно, не будем о грустном. Сейчас я письмо буду папеньке писать. Кстати – и зафотаем тебя. Пусть попробует найти, кто ты такая. Уж у папеньки-то возможностей больше, чем у каких-то там ментов (у Насти в груди вдруг почему-то похолодело). Ну и закажем тебе баракла – не все же в этом тряпье ходить! Только щас вот замеряем...позвонить надо вначале этим чертовым халдеям.

– Хлопот полный рот... – проворчала Настя, пожимая плечами, а Лена хихикнула:

– Хех! Насть, да тут все равно нечего делать! Так хоть какое-то развлечение. И время быстрее идет. Так что не парься, все будет нормулек! Кстати – телефон тебе надо купить. Чтобы всегда была на связи. Какой-нибудь «Самсунг» штук за пятьдесят. И скромно, и со вкусом.

Настя снова подумала про себя, что никак не может привыкнуть к здешним цифрам. Пятьдесят тысяч! Черт подери, да за пятьдесят тысяч в 1972 году можно...можно черт знает что купить! Десять «Жигулей»! Если позволят, конечно. Одну машину-то хрен купишь...только в «Березке», как Карпов.

Хмм...а правда – что можно купить за пятьдесят тысяч? Дом можно. Хороший дом со всеми удобствами. Машину на базаре – за двойную цену. «Волгу», например. За двадцать тысяч. Кооперативную квартиру построить – если профком позволит. Одеться на базаре – в шмотки, которые здесь считаются рабочей одеждой. Мда...за джинсы, что здесь стоят тысячу рублей, на толкучке семидесятых отдала бы 250, а то и триста. А Карпов говорил, что как-то подсчитывал – согласно покупательной способности, деньги 70-х к нынешним рублям – 1 к 230. То есть если разделить тысячу рублей на 230, получится...чуть больше четырех рублей?! Вот черт...

– Ты меня слушаешь? – ворвался в мозг голос Лены – Уснула, что ли? Ты с ноутбуком умеешь управляться?

Настя медленно помотала головой, и подошла к столику, где лежал ноутбук. Ей еще многому надо научиться, чтобы не выглядеть белой вороной...

– Айда за мной! – Лена рванула дверь здоровенного джипа и прыгнула на заднее сиденье – Она со мной!

Здоровенный быковатый парень в костюме у передней дверцы с сомнением посмотрел на Настю, пожал плечами и уселся рядом с водителем. Он ничего не сказал, но было видно, что ему все причуды этой молодой оторвы надоели так же, как июльская жара, по которой ходить затянутым в галстук было просто мучением. Но что поделаешь? Считай – пиджак, белая рубашка, галстук – это форма, в которой должен ходить уважающий себя телохранитель. На взгляд Насти – выглядело это просто глупо. В пиджаке труднее работать, он сковывает движения. Можно было бы найти одежду и посвободнее, и не менее приличную, чем костюм. Для лета, к примеру. Но статус! Чего уж там...

Огромный автомобиль, который как Настя уже знала здесь называется «джипом», выскочил из ворот, едва не задев крышей поднимающийся шлагбаум, и попылился по трещиноватому асфальту вниз по дороге, скатываясь с Алтынки, так тут в просторечии называли Алтынную гору, а также психиатрическую больницу, которая на ней находилась. Сказать «попасть на Алтынку» здесь означало примерно то же самое, как попасть на «Канатчикову дачу», то есть – повязали волки позорные и отправили в психушку.

Забавно: Карпов, когда попал в мир Насти, в 1970 год, тоже оказался на Алтынке, в психушке. А где еще может оказаться голый человек, который бродит по шоссе и не помнит своего имени? Скорее всего и Настя оказалась бы в психушке сразу после того, как появилась в этом мире, если бы не «счастливая» случайность – ее подобрали и попытались «обогреть» несколько отморозков. Поплатившихся за то своей жизнью и оставивших ей в наследство кругленькую сумму денег. И это было очень любезно с их стороны – вдруг на жизненном пути Насти не оказалось бы Лены, решившей, что Настя ей совершенно необходима и жить без нее она не может? Как бы она тогда жила, не имея гроша в кармане? Пришлось бы совершать преступление, грабить прохожих – а это Насте совершенно не по душе.

Теперь же у нее в сумочке лежит новенький паспорт (без прописки, ну и что?), и ее везут туда, где она некоторое время будет жить – в дом отца Лены. Правда тут еще вилами на воде писано – папаша Лены с документами и выпиской конечно помог, и денег дал на то, чтобы одеть ее «телохранительницу» как следует, но вот насчет работы он выразился как-то...прохладно. Мол, об этом еще поговорим. Игрушку для дочери он содержать готов, но полагаться на нее, как на настоящего телохранителя явно не собирался. И Настя его прекрасно понимала.

Ехать пришлось около часа – в город не въезжали, джип сразу же повернул направо, по длинному подъему выскочил за город и помчался по объездной дороге, чтобы не влипнуть в пробки (так сказала Лена, которая весело болтала, глядя то в окно, то на Настю). Джип ровно урчал, вспарывая пространство, в салоне было прохладно и пахло кожей, а еще чем-то таким неуловимым, что присуще только хорошим, дорогим вещам.

«Запах богатства!» – подумала Настя, и усмехнулась. Рядом с Карповым она можно сказать привыкла жить богато. Но...Карпов никогда этим самым богатством не кичился, и вообще относился к деньгам легко, считая их больше

инструментом воздействия на жизнь и на людей, чем каким-то фетишем, ради которого надо рисковать жизнь и даже убивать.

Не сказать, чтобы дом здешнего олигарха отличался таким уж эпическим обликом – дом, как дом. Зимняя оранжерея, сад, за которым ухаживал нерусский садовник (то ли узбек, то ли таджик). Когда машина въехала во двор, он как раз что-то то ли сажал, то ли пересаживал в клумбе возле забора, а рядом на траве из шланга текла вода.

Чуть поодаль бассейн, тоже не особо великого размера, тренировать в нем команду олимпийского резерва было бы проблематично – максимум метров десять длиной, или чуть побольше. Зато извилистый, буквой «S». На площадке возле бассейна – шезлонги, столик. Все, как положено.

Пахло мокрой травой, землей, цветами и...Насте показалось что еще пахнет рекой – тиной и свежестью речного простора. Волга-то всего метрах в пятидесяти от забора, и до нее сделан ровный пологий спуск. Видимо для того, чтобы спускать и вытаскивать здоровенный белый катер, который стоял возле ворот, открывающихся к реке, и был накрыт водонепроницаемым чехлом. Солидный катер. Настя не могла представить его стоимость в нынешних деньгах, но прикинув, решила, что стоит он не меньше ста тысяч долларов. Неплохо живет эта простая российская семья. Не бедствует, это точно.

Дома прохладно, как и в машине. Не было такой удушающей июльской жары, как снаружи. Впрочем – после больничной атмосферы Насте ужасно хотелось побыть на солнце, прожариться как следует, а потом и нырнуть в этот самый бассейн, разбрызгивая капли прозрачной голубоватой воды. Так захотелось, что даже мурашки по коже!

Хозяин поместья был дома. Когда Лена с Настей вошли в гостиную, он сидел на диване и смотрел новости на невероятно огромном и почему-то вогнутом экране телевизора с четким, сочным и ярким изображением. Настя на пару секунд даже загляделась – настолько телевизор был особенным. В ее времени о таких и близко не мечтали. Максимум – черно-белый с относительно небольшим экраном. Да и качество передач оставляло желать лучшего. А тут...картинка как с экрана ноутбука, с которым Настя уже научилась довольно-таки сносно управляться (спасибо Лене).

Мужчина лет около пятидесяти, немного отяжелевший, крепкий, он припадал на левую ногу и Лена рассказывала, что ее отец на севере обморозил ногу на работе, потому и хромает. Из-за чего, кстати, Настя его даже заужавала – не кабинетный сиделец, а настоящий практик. «Севера» прошел! Судя по словам Лены, отец вырвался наверх из-за своего ясного ума и невероятной работоспособности. Чему Настя честно сказать слегка посмеялась, не выдавая своего веселья Лене. Умных и трудолюбивых в мире пруд пруди, но много ли их достигли уровня олигарха? Значит, или его кто-то поднимал, пропихивал, или же это результат удачи, как выигрыш в лотерею. Повезло человеку, да и все тут. Бывает. Редко, но бывает. Выигрывают же в лотерею сотни миллионов долларов? Шанс мизерный, но он есть.

Лена бросилась ему на грудь с криком: «Папка!» – чем кстати немного удивила Настю. Почему-то она представляла отношения отца и дочери такими же, как показывали в сериалах, некоторое количество которых Насте удалось посмотреть на ноутбуке Лены. Благо что мобильный интернет у нее был очень быстрым. Во всех сериалах дети обычно относились к своим родителям-богачам совершенно паскудно, вытягивая из них деньги, откровенно презирая и дожидаясь, когда те помрут и оставят наследство. Тут же дочь и отец искренне друг друга любили.

– Папа, это Настя! – представила девушку Лена – мой телохранитель! Я тебе о ней говорила. Теперь она всегда будет ходить со мной, защищать меня. Настя очень, очень сильная!

Мужчина оглядел Настю долгим, очень долгим взглядом, вздохнул и вежливо сказал:

– Дочка, я не думаю, что это хорошая идея. Да, девушка спортивная, но это не означает, что она может быть телохранителем. Как подруга – пожалуйста, я не возражаю, но ко всему прочему я прикреплю к тебе парочку моих ребят. Витю, например. И Павла. Вот пусть они вас и охраняют! Нет-нет, я не возражаю против того, чтобы Настя была с тобой! Как ты хочешь, так и будет! Но без телохранителей из дома ни на шаг. История не закончилась, brave джигиты горят желанием устроить реванш – тебе же не хочется, чтобы какой-нибудь придурок порезал тебя ножом?

– Извините – вмешалась Настя – Что касается придурка с ножом, этого можете не опасаться. Пока я рядом с Леной, он к ней не подойдет.

– Меня звать Николай Савельевич – медленно, с расстановкой, сказала мужчина
– Я отец этой взбалмошной девочки. И я ее очень люблю. И я все для нее сделаю. И если я не уверен, что она находится в безопасности – никому не доверю ее защиту. Ты в самом деле думаешь, что можешь ее защитить против сильного, умелого мужчины с ножом в руке? Или это пустое бахвальство? Я не люблю, когда понтуются, даже если это красивые девочки. Понятно?

– Я не понтуюсь – пожала плечами Настя – Я могу уложить двоих ваших телохранителей, даже если у них обоих в руке ножи.

– Ладно. Пойдем за мной. Витя, захвати сюда Пашу, приходите в спортзал! – приказал хозяин дома и прихрамывая пошел вперед. Губы его были сердито сжаты, брови нахмурены.

– Правда можешь? – шепнула Лена, едва поспевая за Настей – Витька здоровый лось! Он курсы закончил телохранителей, и в десанте служил! И Пашка такой же! Они оба придурки, но чего-чего, а драться умеют!

– Не беспокойся – усмехнулась Настя – Я тоже не ангел.

Лена посмотрела на свою подругу-телохранительницу и замолчала. Видимо успокоилась. За время, что они жили вместе, девушки сдружились. Лена оказалась вполне интересной в общении, и как ни странно – без всяких там мажорских замашек. Умненькая, доброжелательная, хотя и очень резкая в суждениях, она обладала великолепным чувством юмора, в совершенстве знала английский язык, разбиралась в литературе и музыке. К своему стыду Настя вначале посчитала ее обычной пустышкой, папенькиной дочкой, но нет – девчонка на удивление хорошо образована, и школу закончила если не с золотой медалью, то и без единой тройки. Только поведение снизили – она подстерегла «физкультурника» и вылила ему на голову ведро грязной воды – за то, что он любил подсаживать девочек на брусья и канаты, сладострастно щупая их за крепкие молодые ягодички. И ее потрогал. Был скандал, закончившийся ничем – физкультурника даже уволили, когда выяснилась правда. Но оценку за поведение все равно снизили – надо было пожаловаться, а не заниматься самосудом.

Хорошо быть олигархом! – подумалось Насте, когда она увидела спортзал, едва уступающий размерами спортзалу в университете либо в большой школе. Здесь

можно было играть в волейбол, баскетбол, а еще – в конце зала стояли с десяток тренажеров и выстроились ряды гантелей различного веса, вплоть до пятидесятикилограммовых – это Настя заметила опытным глазом. Волейбольная сетка сейчас была снята, так что ничего не мешало размяться в спарринге минимум двум десяткам единоборцев. А уж трое бойцов здесь поместятся вообще без проблем.

Следом за троицей в зал влетели, едва не запыхавшись, двое крупных плечистых парней – один был тот самый, что сопровождал Настю и Лену из психбольницы, второго Настя не видела, видимо он находился на территории поместья. Настя сразу его оценила – видимо, бывший борец. Уши сломаны, нос приплюснут и чуть набок. Здоровый парень, просто-таки бугай!

– Парни! Эта вот девушка сказала, что уложит вас обоих сразу – без предисловий начал хозяин дома – И что она лучший телохранитель, чем вы оба вместе взятые. Попрошу вас развеять мои сомнения и сделать так, чтобы я убедился в вашей компетентности, как охранников. Готовы?

– Мы готовы – пожал плечами тот, кого вероятно звали Витей, сопровождающий из больницы – Только вот покалечу, и что тогда? Или убью ненароком, и мне что, срок тянуть? Как-то не очень перспектива. И вообще – драться с девкой совсем уж стремно. Побьешь ее – девушку обидел, а она побьет – все угорать будут, мол, девка тебя побила! Может ну ее, обойдется без проверки? И так все понятно...дурочка, одним словом...

Закончить он не успел. Настя сделала два быстрых шага и ударила его в печень – резко, хлестко, так, что он закорючился и свалился на пол. Паша, надо отдать ему должное, мгновенно оценил ситуацию и выбросив ногу попытался изобразить что-то вроде маваша. За что был очень быстро и жестоко наказан – Настя подбила ногу и кулаком врезала ему по гениталиям. Не очень сильно, но достаточно, чтобы выключить любого мужика. Паша как-то странно хрюкнул и с грохотом опрокинулся на спину, схватившись за пах и задыхаясь, как если бы бежал десяток километров быстрым бегом.

Настя с сомнением помотала головой, подошла, усадила его, и нажимая на плечи со стороны спины, скомандовала:

– Дыши глубже, сейчас легче станет!

Пока реанимировала Пашу, очнулся Витя, и не нашел ничего лучшего, как подойти и попытаться вырубить Настю ударом в основание черепа, и это было его фатальной ошибкой. Даже если бы Лена не крикнула, предупреждая о коварстве соперника, Настя все равно бы заметила опасность.

Отреагировала адекватно – перехватив руку нападавшего, она метнула его тушу через себя с такой силой, что приземлившись, Витя прокатился по полу еще метра два, прежде чем остановился и замер в беспамятстве.

– Еще что-то показать? – спокойно спросила Настя у олигарха, замершего в немом удивлении.

– Стрелять умеешь? – только и спросил тот, усмехаясь уголком рта.

– Умею. Показать? – Настя выдернула из кобуры в подмышке Паши вороненый пистолет неизвестной ей марки, выщелкнула магазин, нажав на кнопку, вставила обратно, передернула затвор, сняв с предохранителя, замерла с пистолетом в руке.

– Не надо. Ты нанята! – махнул рукой олигарх – О жалованье потом поговорим. И умение стрелять тоже проверим – в тире. А пока что пойдете в гостиную...только прежде реанимируй этого бездельника. Ты ему ничего там не сломала? Мда...тоже мне, телохранители! Девка побила! Уволить их к чертовой матери, что ли...найму девок из психушки. И красиво, и толк будет! Хе хе...

Глава 2

– Вообще непонятно – на чем она держится. Истощение, метастазы...но она жива!

– Вот снимок, Петр Васильевич. Метастазов стало меньше. Рак уходит.

– Что-о?! Ну-ка, ну-ка! Оп-па! Вот это да! Вот это номер! Точно, стало меньше. Но это ничего еще не значит! Вполне может быть временная рецессия, а потом...

– И опухоль уменьшилась. В два раза. И самое интересное – похоже на то, что печень восстанавливается и просто-таки фантастически быстро. И без каких-либо препаратов.

– Мда...феномен, однако! Хотя...в истории медицины немало случаев, когда рак вдруг отступал. Никто не знает, почему это происходит, но... Впрочем – кому это я говорю? Извините, коллега. Забылся. Вы и сами все прекрасно знаете. В общем – это феномен, и заслуживает тщательного и всестороннего изучения!

– Я хочу есть...

– Что-о?! Что?!

Оба врача повернулись к больной, накрытой простыней до самого горла и посмотрели в ее широко открытые, с желтыми белками глаза.

– Вы очнулись?!

– Я...очнулась – с трудом проговорила женщина, больше похожая на узницу Бухенвальда, чем на обычную больную – И я хочу есть. Мне нужно срочно восстановить массу тела.

– Массу тела? – слегка запнувшись, повторил мужчина в белом халате, на лице которого красовались дорогие очки в золотой оправе и борода клинышком. Он явно косил под киношного профессора. Впрочем – он таковым и являлся – профессор кафедры онкологии и доктор наук. Лечащий врач пригласил его и для консультации, и для того, чтобы показать данный феномен. Лечащий врач был молод, но достаточно опытен, так что дело было не в консультации. Ужасно хотелось поделиться информацией о феномене с кем-нибудь из знающих людей. Так с кем, если не с бывшим наставником?

– Сейчас что-нибудь придумаем! – встrepенулcя лечащий врач, и посмотрел на старшую медсестру, которая безмолвно присутствовала при встрече. Она согласно веяниям времени была одета в нечто подобное скафандру, на голове – прозрачная защитная маска. Пандемия, черт ее подери!

– Марь Серьгевн, сможем что-то придумать? Бульон? Ей нужен бульон, она не ела с неделю, не меньше. И слишком истощена. Как бы проблем не было.

– Можно пока что развести бульонные кубики, и хлеба туда. А потом будет обед, тогда и покормим.

– На кубики денег дать?

– У нее были деньги, я их оприходовала. Хватит!

– Где мой сын? – спросила больная, медленно, с натугой поворачивая голову – Где он?

– В доме ребенка – после паузы ответил врач – Не беспокойтесь, с ним все в порядке. Там все очень хорошо. Как только...хмм...выздоровеете (профессор посмотрел лечащему врачу в глаза и поднял брови), так вам его сразу и доставят. Сейчас это невозможно – вы находитесь в онкологическом отделении, здесь условия не предполагают нахождения маленьких детей. Повторю – с ним все будет в порядке! Вы в силах сейчас отвечать на вопросы?

Больная медленно кивнула, и врачу показалось, что глаза ее чуть прищурились, будто она волнуется и готовится к чему-то неприятному.

– Кто вы? Как ваше имя? Как вы оказались в УВД с ребенком на руках? Это ваш ребенок? Откуда вы шли?

– Я Зинаида Михайловна Макеева – больная говорила тихо, но вполне отчетливо и ясно – Миша мой сын. Я врач-психиатр. Больше ничего не помню. Как оказалась в УВД – не помню. Как попала в больницу – тоже не помню. И вообще ничего из прежней жизни не помню. Вся моя жизнь началась здесь – когда я открыла глаза. Прошу вас, при первой же возможности – верните мне сына!

– Вы должны понимать...Зинаида Михайловна, что пока вы в таком состоянии, о том, чтобы привезти сына не может быть и речи! Его ведь кормить надо. А чем вы будете кормить? Нет уж, вот как встанете на ноги, так и поднимем вопрос о том, чтобы вернуть вам сына. А пока что...

- А что - пока? - вдруг твердо спросила больная - В каком я состоянии? Что с моим...раком?

- Ваш рак на месте, никуда не делся - хмыкнул лечащий врач, переглянувшись с профессором который с живым интересом наблюдал за происходящим - Но у вас явные улучшения. Вас доставили в гораздо худшем состоянии, чем то, в каком вы находитесь сейчас. Одно то, что вы очнулись, разговариваете, да еще и просите еды - что-то да значит. Честно скажу - мы не думали, что вы заговорите. Вас даже специально поместили в отдельную палату...

- Чтобы моя смерть не расстроила других пациентов? - усмехнулся больная.

- Ну...да! - сознался врач - Но вы всех так сказать обманули. Метастазы исчезают, опухоль рассасывается. Мы вчера делали рентген, результаты просто потрясающие. Если так дело пойдет...

- Не будем загадывать, коллега! - перебил профессор - Я суеверен! Давайте подождем и посмотрим, во что это все выльется. Мои рекомендации - усиленное питание, вначале побольше жидкого. Много питья. Ну и в принципе...все! Лежать, есть, пить, и выздоравливать! Слышали, моя дорогая? Выздоровляйте! Это будет сенсацией - человек в такой стадии болезни фактически возвращается с того света!

- Из другого мира... - вдруг пробормотала под нос Зинаида - И все-таки он был прав. Как и всегда - прав.

- Кто прав? - спохватился лечащий врач, но было уже поздно. Больная мирно посапывала, прикрыв глаза и сделав вид (или на самом деле уснула?) что ничего не слышала. Профессор легонько махнул рукой - пойдете! И оба врача вышли. Уже в коридоре профессор похлопал коллегу-ученика по плечу и предложил:

- Наблюдайте, очень интересный случай! Можно развить в неплохую диссертацию. Если что - я вас поддержу. Такой случай упускать нельзя.

– Да, это не кадиллак! – задумчиво сказала Ольга, подставляя лицо горячему воздуху, который влетал в салон из открытого окна.

– В высшей степени логичное замечание! – ухмыльнулся я – Это не кадиллак! А как догадалась? Когда до тебя стало доходить?

– Тьфу на тебя! – беззлобно фыркнула Ольга – Где ночевать будем?

– А чего ночевать? – пожал я плечами – Откинь спинку, да и спи. А я буду гнать, пока силы есть.

– Да ты так и до Америки догонишь, знаю я твои силы! Надо было в Киеве остановиться – походили бы, посмотрели...

– Да ну его...Киев этот! – буркнул я, досадливо скривившись – Глупо, наверное, но у меня к нему идиосинкразия. После тех событий, что у нас произошли...ну...в моем мире, я даже слово «Киев» не переношу. Для меня оно стало источником дурных воспоминаний и ожидания какой-то пакости. Ну, только представь, что люди в Киеве вдруг спятили и стали ненавидеть русских. Как тебе такое? Что мотаешь головой? Не веришь? А вот так! Недобитки бандеровские там правят бал. Вернее – их дети и внуки. Сталин виноват!

– В чем? – подняла брови Ольга.

– А в том, что был слишком мягок. Вешать надо было тварей. Они ведь как – когда наши пришли, прогнав фашистов, и переловили этих бравых полицаев – большинство из них заявили, что в полицейские их загнали насильно, и они ничего не делали, кроме как ходили с белыми повязками. Глупо, правда? Но наше «жестокое и бессердечное» НКВД поверило этим мерзавцам, и вместо того, чтобы их повесить – дали разные сроки лагерей. Полицаи отсидели, и вышли, затаив злобу и ненависть в советской власти. Ну и к русским – это уж само собой. Как к символу советской власти. А потом воспитали детей и внуков в духе ненависти и злобы к СССР и русским. И кто виноват? Власть, конечно, и лично Сталин – недосмотрел! Душить надо было! Вешать гадов!

– Ну...ты слишком жесток – Ольга помотала головой – А если и правда насильно загнали? Если и правда никого не трогали? Что же им, башку прострелить?

– Решила выступить адвокатом дьявола? Ладно, давай. Почему тысячи и тысячи других людей не загнали в полицаи? Почему они не надели белую повязку? А ЭТИ – надели? Неужели думаешь их насильно, под расстрелом заставляли служить? Ходили, ели, пили, народ обирали, девок насильовали – так ответь за это! Нет, наши были слишком мягки. Результат: пронизанная бандеровщиной, как сыр червями Украина. Гнойник в подбрюшье России. Правят там самые что ни на есть нацики, русофобы, и они на самом деле марионетки, которых за ниточки дергают американские друзья. Фактически – Украина превратилась в американскую колонию. И нужна она америкосам только для того, чтобы использовать в виде тарана против России. Или даже не тарана...а так, грязного ржавого гвоздя, которым царапают спину России в надежде, что у нее начнется заражение крови. Мерзко, противно и очень грустно. Один народ-то, все русские. Только часть их вдруг спятила и отказывается признавать родство.

– Как это страшно! – Ольга снова помотала головой – Я и представить такое не могу. Ведь было же советское воспитание, как могли эти люди так спятить?!

– Легко – угрюмо ответил я, всматриваясь в дорогу – Промывка мозгов через средства массовой информации, в том числе, и в основном – через телевизор. У нас его зовут «зомбоящиком». Рассказали, что мы не родня и вообще – древние укры изобрели колесо и выкопали Черное море. А все остальные народы мира пользуются изобретениями этих самых укров. Целые группы ученых работают над оболваниванием своего народа, рассказывая о протоукраи и о том, как все народы мира пошли от этих великих людей. А народ...ну что народ? Стадо! Найдутся дельные, умные пастыри, которых как следует подогреют баблом – вот и повели они стадо. И научили блять то, что нужно пастырю. Кстати сказать – Западная Украина всегда была недоброжелательно настроена к России. Честно сказать, там и украинцев-то никогда не было. Поляки, евреи, венгры – кого только там нет. Разговаривают на суржике, их настоящий украинец и понимает-то с трудом А главный их город Львов, который ранее был польским городом Лембергом и никогда не принадлежал Украине. Все им дала советская власть, которую они теперь поносят почем зря – как и положено бандерлогам, не испытывающим благодарности. Ибо совести у обезьян нет.

– Теперь так не будет, успокойся. Ты все сделал, чтобы такое не случилось в этом мире.

– Надеюсь, что все... – я поддал газу и обошел ЗИЛ-130, в самосвальном кузове которого была навалена груда земли и он тащился еле-еле.

– Вот потому я не люблю Киев и не хочу туда ехать! – заключил я, и замолчал, больше не желая продолжать наболевшую тему.

– А что с Одессой? С ней что стало?

– То же самое. Туда наехали западники-рогули, и устроили тут настоящий геноцид. Даже вспоминать противно. Тогда мы с женой решили, что пока бандеровцы существуют на Украине, а конкретно в Одессе – мы туда ни ногой. Ибо противно. А вот теперь...в общем – всегда мечтал посмотреть Одессу. Надеюсь, она меня не разочарует.

– А не надо допускать слишком большие ожидания, тогда и не разочарует. Воспринимай все как...как просто поездку. Едем хорошо, смотрим по сторонам, свободны, деньги есть, время есть...ну чем это плохо?

Мы замолчали. Двигатель «копейки» ровно гудел, в салоне пахло свежей краской, температура тасола в пределах нормы – чего еще нужно путешественнику, чтобы весело и с комфортом достичь своей цели? Кондиционера, конечно, не хватает, зато...хмм...а чего «зато»? Зато рядом любимая женщина. Захочу – съеду с дороги в кустики, и...

– Тошнит – вдруг сказала Ольга – Останови!

Мда...с кустиками это я погорячился. У любимой женщины наметился небольшой, но вполне уже видимый животик. Моими стараниями, между прочим. Раньше я как-то и не задумывался о том – предохраняются мои женщины, или нет. Понимаю – мужской эгоизм, мол, это их проблемы, а я тут ни причем! «Причем», получается... Вот и результат.

Впрочем – хороший результат. А почему бы и нет? Ольга моя законная жена, а в браке, как выяснили британские ученые, бывают и дети. Так что нечего тут суетиться – уже подсуетился. Но вообще...может зря поехали на машине? Сели бы в самолет, как все нормальные люди, полтора часа – или сколько там – и мы уже в Одессе. Да и вообще – может не надо было ехать в Одессу? Чего это мне приспичило? Вдруг – захотел, и все тут! Как прощание с Родиной. Впереди – большая работа, хотелось напоследок расслабиться, походить по улицам русского города Одесса. Еще – русского. Увидеть ее такой, какой она была до

того, как ее захлестнула бандеровская пена. Увидеть правильную Одессу.

Ольга, конечно, сразу со мной согласилась – она всегда со мной соглашается, как положено правильной жене. Ну...в серьезных делах. По мелочи можем и поспорить. Вот мне, к примеру, ужасно не нравятся гречка и жареный лук, а она их обожает. Я считаю, что лук, положенный в сковороду с картошкой превращает блюдо в кучу дерьма. Она считает, что лук придает картошке изысканный вкус. Может ли это служить препятствием к нормальным семейным отношениям? Да боже упаси! Если оба партнера адекватны и любят друг друга. Ну а если не любят – так найдут тысячу поводов чтобы выпить друг у друга кровь.

– Прошло? – спросил я, глядя, как Ольга вытирает губы платочком.

– Прошло – грустно сказала она, и тяжело вздохнула – Почему-то я думала, что сия чаша меня минует. Я ведь сильная, спортивная...кстати – когда была беременна в первый раз – такого не было. А сейчас...чертовщина какая-то.

– Стареешь... – с сочувствием сказал я, и Ольга тут же хлопнула меня по плечу:

– Вот тебе! Мерзавец! И язык повернулся сказать!

И мы оба расхохотались. Дело в том, что выглядели мы с ней так, что обвинить нас в старении мог бы только слепой на оба глаза человек, не имея возможности нас ощупать. Я выглядел лет на двадцать с небольшим, Ольге можно было дать максимум семнадцать-двадцать лет, не более того. После того, как я устроил ей прямое переливание крови, спасая от неминуемой смерти, Ольга так помолодела, что я стал бояться – как бы не дошла до детсадовского возраста. Но Гомеостаз все-таки взялся за ум и остановил ее организм на уровне выпускницы средней школы. Ну а я видимо дошел до пика своей формы и стал похож на какого-то студента спортивного вуза. Лицо – от двадцатилетнего парня, тело – олимпийского чемпиона. Широкие плечи (они всегда у меня были широкими, справедливости ради), тонкая талия (вот с этим на склоне лет возникла проблема – все-таки мне уже 50), и все, что приличествует настоящему спортсмену – бицепсы, трицепсы и все такое прочее. Ольга смеется – по мне можно изучать анатомию, видна каждая мышца на теле. Жира – ну вот самый что ни на есть минимум. Так что я сейчас не человек, а модель для скульптуры!

Только вот нет роз без шипов. Жира нет не потому, что я такой весь из себя диетический и ЗОЖ – ем и пью столько, сколько хочу (на зависть Ольге), только не толстею и сухой, как вобла. Дело в том, что мой обмен веществ ускорен минимум в два раза. А то и в три. В результате я быстрее и сильнее обычного человек в те самые два-три раза. А может и больше – с учетом того, что я и раньше не был слаб, а кроме того, все эти годы интенсивно занимался спортом. И вот это все наложилось друг на друга, и получился такой вот странный тип, выглядящий, как обычный молодой парень со своей беременной «телочкой». Папенька купил нам машину, и мы путешествуем на «юга». Примерно так нас воспринимают окружающие. И очень ошибаются. Очень.

Меня, Михаила Карпова, никто и ни за что не узнает, хотя я нарисовался на экранах ТВ не хуже актеров и дикторов новостей. Бороду я теперь брею начисто, одеваюсь в джинсы и майку, а в документах у меня значится «Мишутин Максим Витальевич», а у Ольги «Катерина Семеновна Инютина». Это и в паспортах, и в водительских удостоверениях. Настоящие документы, паспорта и удостоверения личности офицеров КГБ и офицеров МВД (ментовские «корочки» – такие же документы прикрытия, как и вторые паспорта), мы спрятали в машине, хорошенько их завернув в непромокаемую ткань – под запаску, рядом с инструментами. Зачем? А просто так! Решили проехаться по стране обычными гражданами, без поддержки любимых органов и представителей власти. Вот прокатиться свободными птицами, да и все тут! Единственное, что попросил сделать – поставить в ЗАГСе штамп о том, что Катя Инютина суть моя законная жена, а не просто беременная «телочка» в тачке мажора. А то ведь в гостиницу не поселят! В СССР правила строгие, даже за деньги не пойдут на такое преступление – как это так, неженатую парочку, и в один номер! Ужас! Вдруг они там чем-то непотребным будут заниматься?! Пиво пить, например...

Впрочем, нет – пришлось еще попросить выписать новый техпаспорт на автомобиль – на имя Мишутина. Серенькую такую книжицу. ПТС пока еще не выдают.

Когда вечером устраивались в придорожную гостиницу уже почти на границе Украины (Господи, ну какая сейчас граница?! Скажи нынешним людям – засмеют!), администраторша смотрела на нас так, будто мы какие-то преступники, проверила паспорта чуть ли не на свет. Каждую строчку, каждую закорючку, а потом спросила недоверчивым тоном у «Кати»:

– Вам в самом деле двадцать семь лет?!

На что Катя-Оля смиренно ответила, что ей на самом деле двадцать семь, и что в ее семье все выглядели моложе своих лет.

Кстати сказать – мы постарались чуть «состарить» Ольгину внешность, чтобы не выглядела совсем уж вчерашней школьницей – чуть подрисовали, чуть навели теней, но она все равно выглядела безобразно молодой! Не хватало еще, чтобы меня обвинили в «набоковщине». Умыкнул нимфетку, и катаюсь с ней по миру!

– А почему фамилию не сменили?! – продолжался допрос.

– Потому что не захотела! – безмятежно улыбаясь ответила Ольга, тихонько толкая меня носком кроссовки. Я уже закипал, и она это сразу почувяла. Ни к чему нам скандалы, а вот постель с чистой простыней очень даже к месту. Вот ведь чертова баба, какое ее дело, кто мы и что мы?!

Впрочем, это тоже признак советского спокойного времени. Тут не забалуешь, не станешь кататься с малолетками по грязным гостиницам. Здесь – все четко, все по закону. Тут же настучит в ментовку и вся эта лолитщина прекратится еще и не начавшись.

– Еще вопросы? – Ольга подождала, но дама не захотела дальше продолжать свое расследование. Зыркнула на нее зло и оценивающе, буркнула:

– Анкеты заполняйте!

Заполнили. А затем потащились в номер, прихватив с собой сумку с самым необходимым. Остальное барахло оставили в машине, которую загнали во двор кемпинга.

Кстати, вполне приличный кемпинг, я почему-то думал, что такие появились только после развала СССР. Ясное дело – я в семидесятые не мотался по городам и весям Советского Союза, откуда мне знать, какими были дороги, и как на них обстояло дело с дорожным комфортом. Так вот, выяснилось – вполне приличные столовые везде по трассам кормили не сказал бы, чтобы особо хорошо – но ничего, съедобно, и за сущие копейки. Придорожные кемпинги, в которых обязательно имелись закусовые – не через километр, но имелись, и мест в них хватало. На нынешние деньги номера в кемпинге были не очень дешевы, потому

советский человек норовил переночевать в машине, или в палаточке, поставив ее рядом с машиной где-нибудь в лесу. А вместо полноценного обеда в столовой или закусочной, где за него отдашь целых три рубля на троих – на бензиновом керогазе, в котелочке – суп с тушенкой. И салатик из огурцов с помидорами, политый постным маслом. Нормально, чего уж там. Не все таскают с собой пачки денег и чеков из «Березки» – как я.

Комната была небольшой, две кровати, относительно чистые простыни – все как в обычной дешевой провинциальной гостинице. Черно-белый телевизор, который мы и не пробовали включать, на удивление прохладно – что очень радовало, учитывая отсутствие кондиционера и жару на улице.

Само собой – горячей воды не было, так что пришлось мыться холодной. В Союзе летом горячую воду отключают – нефиг ее греть, если и на улице стоит жара! Надо приучать человека преодолевать трудности, и так победим. Может где-то и есть горячая вода летом, но только не здесь.

Ольга лезть под ледяные струи отказалась – умылась, ополоснула ноги, и мы с ней пошли в закусочную, где вполне неплохо поели, отказавшись от похожего на помой чай. Запили ужин газировкой – «Буратино», такой черт подери ностальгический вкус! Брр... Если бы не был холодным – пить эту дрянь просто невозможно. Альтернатива – пиво, но пива не было. Никакого. Это вам не сельский магазин 2018 года, где сортов пива насчитаешь штук двадцать, не меньше.

Нет, я не ностальгирую по своему времени, по 2018 году. Дерьма там было больше, чем здесь. Но идеализировать 70-е тоже не собираюсь. Сказки о молочных реках с кисельными берегами, которые имели место быть в советское время, вызывают у меня только усмешку и раздражение. Зачем люди придумывают советский рай, когда райского в нем не было совершенно ничего? В каждом строе есть свои хорошие черты, а есть плохие. Память людей избирательна, и почему-то запоминают они только хорошее. А плохое, такое, что сразу бросается в глаза человеку из будущего – это почему-то наглухо забыто.

Зачем я поехал в Одессу? Да еще и так – «дикарем», с обычными документами, без поддержки власти? Возможно именно потому, чтобы напомнить себе – зачем я здесь. От чего хочу избавиться свою страну, и чего хочу добиться. Чего именно? А много чего. «Двумя словами» – хочу, чтобы наши люди жили по-человечески. Чтобы в номере отеля была горячая вода, а в закусочной – двадцать сортов пива.

И чтобы чай был не мутной бурдой, а настоящим чаем. Но при этом – пусть будет СССР. Другой СССР. Правильный. Самый могучий, и самый процветающий в мире. Именно процветающий, а не просто могучий. Танки у нас умеют делать, а вот что-то для человека...с этим у нас беда.

Усмехнулся – «у нас»! Я так вжился в этот мир что он для меня стал своим. Рассуждаю, как его абориген: не «у них», а «у нас». И это правильно. Похоже, что я застрял здесь навсегда. Значит – это и мой мир.

Встали мы поздно, в начале десятого. А куда торопиться? Мы что, опаздываем? Умылись, собрались, отнесли вещи в машину, а потом я сдавал номер горничной, которая внимательно пересчитала все наволочки и простыни – не дай бог подозрительная парочка унесет их с собой. Снова позавракали в закускойной, ограничившись бутербродами с колбасой и тем же самым до отвращения приторным «Буратино», и в одиннадцатом часу утра уже катили по шоссе, радуясь утренней прохладе и свежему ветерку. Солнце укрылось за облаками, и похоже что будет гроза. Чего не очень хотелось – придется закрывать окна, а значит, будет душно, и моя драгоценная боевая подруга, она же законная жена – может устроить нам немалые проблемы. Смешно, но добыть полиэтиленовые пакеты оказалось большой проблемой. Здесь они в каждом магазинчике не продаются. Вернее так – они тут вообще не продаются! Потому альтернативы открытой дверце или открытому окну – нет. Высовывайся и делай свое грязное дело.

Честно сказать, я в очередной раз пожалел, что поехал на машине. Не ожидал, что от беременности у Ольги будет такая интоксикация. Похоже, что она сама такого не ожидала – первая беременность у нее протекала гораздо мягче. Но что есть, то есть. Правда, до Одессы осталось совсем немного по меркам конца 20 века – километров пятьсот, не больше. Если судить по атласу автомобильных дорог.

Администратор гостиницы «Континенталь», что на Дерибасовской-5, не подняла взгляда на того, кто подошел к стойке. Она была занята. Есть дела и поважнее, чем празднующиеся граждане, которые норовят проникнуть в гостиницу, в которой всего-то пятьдесят номеров. Да и те не для всякого. Сейчас – самый сезон, так что почти все номера заняты. Почти – потому что всегда остается

бронь для Особо Важных Персон. И уж точно не для каких-то там рабочих и крестьян. Впрочем – рабочие и крестьяне и не подумают зайти в эту гостиницу, одну из старейших и самых пафосных в городе, они пойдут в частный сектор и снимут комнату в курятнике, рядом с будкой собаки. Потому что им надо подешевле, а хорошо дешево не бывает.

Наконец, администратор дописала бумажку (это был обычный бланк учета), и медленно, как Вий подняла взгляд на посетителя (Поднимите мне веки! Вот он!). И едва не вздрогнула! Вот уж кого она не ожидала тут увидеть, так это подобную личность! Парень, коротко стриженный, очень молодой – лет двадцать на вид, не больше. Довольно-таки красивый, или скорее – мужественный. Жесткое лицо с крутыми скулами, темные глаза, смотревшие остро и чуть с насмешкой. Бросались в глаза его плечи и руки – невероятно развитые, жилистые, просто какие-то нечеловечески мускулистые. Вероятно, такие бывают у спортсменов – пловцов, или гребцов. Да и то вряд ли. В этих руках не было ничего нежного, пухлого, круглого – кроме мышц, выпирающих бугорками. Вздувшиеся крупные жилы переплетали руки, как система маленьких рек вокруг полноводной Амазонки, большие кисти рук пугали – схватит такими руками, и...

Почему-то этой женщине вдруг захотелось, чтобы этот парень схватил ее этими самыми руками и прижал к себе...так, чтобы у нее перехватило дыхание! В животе запорхали бабочки и стало тянуть низ живота. Сейчас она согласилась бы даже на ласки мужа – унылого, рыхлого мужчины с отвисшим торчащим животом, любителя футбола и «Жигулевского». Ей всего-то сорок лет, а постельных удовольствий, которых требует душа и тело – раз, два, и обчелся...хорошо, если раз в месяц. Проклятый импотент!

И вот сейчас она решила – давно на нее засматривается электрик Володя, и намекал не раз, и не два – совершенно недвусмысленно. А она, верная жена и не сторонница отношений на работе – отфутболивала его раз за разом, и раз за разом чувствовала горечь и досаду – почему бы и нет?! Что ей, похоронить себя, как женщину?! Ну да, у нее пяток лишних килограммов, она не такая, как...эта вот, подружка нового гостя, или кто она там ему, но все еще стройная, сочная, и очень, очень отзывчивая на ласку!

Задумавшись, администратор не услышала вопроса, а когда спохватилась, попросила повторить:

– Что, что вы сказали? – и почти с ненавистью уставилась на молоденькую спутницу парня, ужасно похожую на Наталью Варлей. Вот как две капли воды похожую! Сестра? Везет же бабам! Кому-то вот такой самец, с которым хоть на край света убежишь, а кому-то...она представила вялое мужское достоинство своего мужа, которое надо долго и трудно приводить в боевое состояние, и едва не зарычала от разочарования.

А еще – вызверилась и на этого красавца, который сейчас не к добру пришел сюда и подразнил тоскующую по любви душу. Он ей не достанется – никогда и ни за что! Это Мария Львовна знала наверняка, и единственным способом избавиться от наваждения – было выбросить парня из памяти, а для того, выгнать его из гостиницы так, чтобы треск пошел по всей Дерibasовской! Ишь, приперся, ему что здесь, ночлежка?! Тут богатые и знаменитые останавливаются, а не всякая юная шантрапа!

– Мы бы хотели снять номер примерно на неделю – с легкой улыбкой повторил парень, и от этой улыбки трусики администратора намokли, а голос вдруг дрогнул и едва не «дал петуха»:

– Нет свободных номеров! Идите в частный сектор! Там и подешевле будет! – отбрила она, чувствуя, как отпускает возбуждение. Какой бы он ни был красавец-мужчина, какую бы мужскую власть не имел над женщинами (и над ней лично), а она тоже может показать свою над ним власть! Пнет, и полетит он ясным соколом на Молдаванку, снимать угол у вонючей, пропахшей козьим пометом старухи!

– Я же не просил подешевле – пожал могучими плечами парень – Вообще-то я хочу снять самый лучший номер, какой у вас есть. Люкс.

– Нет! Ничего нет! – закусила губу администратор, невольно заглядывая за стойку и рассматривая подругу гостя с ног до головы. Как она и думала – юбчонка девки короткая, из под юбки торчат безупречно гладкие, длинные, загорелые ноги без намека на целлюлит. А у нее, несчастной Маши, уже и растяжки, и «апельсиновая корка», и муж, сука, которого надо раскачивать в постели полчаса, не меньше, а потом он десять раз дернется, кончит и спать ляжет! Ууу...ненавистный!

- И вообще - мы селим в один номер только мужа и жену! А кроме того, нужно командировочное удостоверение, чтобы поселиться, это вам не...это!

Ее несло, и она уже не понимала, что говорит. Она вдруг представила свои ноги на плечах этого парня, его руки на ее бедрах, и ей захотелось заплакать. Ну почему, почему все в мире этим юным сучкам, которые и любить-то мужчин как следует не умеют?! Неужели все, жизнь прошла, и не будет ей больше счастья?! Она бы сделала для него все на свете!

- Мы будем очень благодарны - парень вдруг подмигнул, и приблизил свое лицо близко к лицу администратора. От него пахло зубной пастой и чем-то неуловимым - то ли чувствовались следы хорошего, дорогого одеколona, то ли так пах шампунь, которым он недавно мыл голову. Зубы парня белые, ровные, красивые...будто искусственные! Не то что у мужа - кривые и желтые.

И зачем она выходила замуж за этого придурка? Может еще не поздно все изменить? Тот же электрик - вполне себе симпатичный мужчина, и вдовец. Жена у него несколько лет назад умерла после болезни. Дочка осталась, в прицеп...так это ничего! У нее тоже дочка! Может и сладится? А этого бездельника Кольку - долой!

Администратор вдохнула запах чужого мужчину, глубоко вздохнула, опомнилась:

- Извините, но...

Парень протянул ей паспорт, из которого торчал краешек двадцатипятирублевки, подмигнул:

- Это вам. За услуги. Мы с женой пробудем в городе с неделю, не больше, хотелось бы пожить в хорошем номере. Такая как вы интересная женщина нас поймет - у нас медовый месяц, и вот хотелось бы...поможете?

Администратор посмотрела на парня, на девушку, у которой явно намечался животик, и вдруг смягчилась: и правда, чего она так вызверилась? Все Колька виноват, и...недотрах. Если есть деньги - так пусть живут в «Президентском номере».

- Президентский возьмете? – улыбнулась она, и после того, как улыбка украсила ее лицо сделалась моложе, красивее и желаннее. Как и большинство женщин.

- Только дорогой он очень! – будто извиняясь сказала она, искоса поглядывая на бумажку в паспорте. Обычно дают десятку, не больше. Реже – пятнадцать рублей. Но чтобы вкладывали «барашка»-четвертной – она такого не помнит. Что же, заработать за день четвертак...это очень неплохо. И хорошо примиряет с собственными желаниями.

- Пятьдесят рублей в сутки!

Девушка-«Варлей» тихонько охнула, а парень лишь широко улыбнулся:

- Давайте я сразу за неделю оплачу. Если дольше задержимся – так еще доплатим. Горячая вода есть?

- Конечно! – зачастила администратор, принимая паспорта. Четвертной из паспорта испарился, как по волшебству. Ловкость рук, и никакого мошенничества! – И горячая вода есть, и японский кондиционер, четыре комнаты – кухня, в том числе, если захотите что-то себе сготовить. Кстати – можно заказать еду в номер. У нас отличный ресторан – готовят очень недурно, и недорого! Тем более – для вас. Вы на машине, как я поняла?

- Да, «жигуленок» – ответил парень, снова улыбаясь администратору своей слегка хищной, но яркой и обезоруживающей улыбкой, как какой-то известный киногерой. И кстати – администратор голову готова была дать на отсечение, но она где-то видела это лицо, эту улыбку. Но где – вспомнить никак не могла. Память на лица у нее была просто отличная (работа такая, волей-неволей научишься запоминать) – но не в этом случае. Казалось – вот сейчас она напряжется, сейчас в голове щелкнет, и...всплывет имя. Но не всплывало. А фамилия парня и фамилия его жены ни о чем ей не говорили. И странно – штамп в паспорте стоит, без всякого сомнения это семейная пара – а фамилии разные. Видать девица еще та стерва! Не согласилась взять фамилию мужа! Дура...Мария Львовна для такого мужика не то что фамилию, она бы за ним раком на край Земли побежала, как собачонка! Лишь бы погладил! Лишь бы любил!

Незаметно потрянув головой, отогнав грешные мысли, Мария Львовна вздохнула и принялась оформлять документы. Рассказала, куда загнать машину – пропуск она сейчас сделает, во двор и загоните. Так-то тут не шалют, не угоняют, но кто знает? Машина-то новая, не у всех такая есть, а одесские преступники еще те...по всему миру славятся. Так что незачем рисковать.

Она выдала ключ от апартаментов третьего этажа, парочка вышла, оставив после себя тонкий, почти неуловимый запах хорошего парфюма (все в пределах, никаких сладких шлейфов запаха импортных духов!), а Мария Львовна села на стул перед стойкой и пригорюнилась. Что там у нее впереди? Доживать? Нет, надо что-то менять в своей жизни. Что-то менять! А что именно – она уже знала. Похрустела в кармане заветным четвертным, и настроение у нее улучшилось – не все ведь еще потеряно! Зарабатывает Мария Львовна очень хорошо, и неужели она не найдет себе приличного мужика? На что ей электрик?! Может кого-то и помоложе подцепит! Очень уж хочется броситься с головой в вулкан страстей, чтобы до воя, до крика, до животного стога! Как это было в юности...и как хочется сейчас.

– Противная баба! – сморщилась Ольга, когда мы ввалились в номер, таща с собой кучу вещей – чемодан, кофр для одежды, сумки – все, что нужно для правильного разграбления города. Тут было даже вечернее платье, и не одно, и костюм для меня – Ольга настояла. Если уж ходить в ресторан, так выглядеть как леди и джентльмен, а не как чистильщики из «Омеги». Хватит войны! Хватит крови и грязи! Теперь – светская жизнь и красивые одежды.

– Чего она тебе? Что ты на нее взъелась? – хохотнул я, в общем-то зная, что скажет моя женушка.

– Ты видел, как она на тебя смотрела?! Да она раздевала тебя взглядом! Она уже трусы с тебя сдергивала! Бесстыжая баба! А меня – просто убила бы! Просто потому, что ты мне достался!

– Ты преувеличиваешь – снова хохотнул я – Нормальная баба бальзаковского возраста. Да, падкая на молоденьких парней – так и мы, мужики, падки на молоденьких девушек. А она чем хуже? Поговорил с ней как следует – вот и помягчела. Нет, вы, женщины, не умеете находить общий язык со своими

товарками.

- Бе-бе-бе! – показала язык Ольга – Ты еще иди трахни ее, чтобы она добрее стала!

- А надо? – задумался я серьезно – Ну, если ты потребуешь...

- Тьфу на тебя! Я первая в ванну! Кстати, мы на нее так и не поглядели. Айда глянем, что там за ванная!

Ванная была шикарна, как и весь номер. В эту ванну мы могли поместиться сразу вдвоем (что и решили сделать), и места осталось бы еще для такой парочки как мы – если бы у нас была склонность к свингерским игрищам. Что касается всего номера...я бы его охарактеризовал так: «плюшевая безвкусица». До современных мне стандартов номеру было ох, как далеко, но то, как его оформили, вызвало даже ностальгические чувства. Старина! Позолота! Плюш! Везде ковры! Дорогущие обои! Картины по стенам (не репродукции, черт подери, настоящие, маслом писанные!) И три комнаты, не считая кухни – гостиная, уставленная кожаными диванами, кадками с экзотическими растениями, и комната, в которой стоял бильярдный стол, и тоже – кожаная мебель. Тут пахло табаком и стояли хрустальные пепельницы – видимо курительная комната и комната отдыха одновременно. Все шикарно, и все как-то...провинциально, что ли. Слова не подберу. «Дорого-бахато» – так бы это у нас, в нашем времени назвали. Ну и само собой – спальня.

Но вообще – мне нравится. Патриархально, уютно, красиво. Я вообще консерватор и не люблю эдакое...«современное»...хмм...современное мне дизайнерское мозгокрутство – эти стеклянные столы, футуристическая мебель и все такое прочее. Пусть будет «бахато» – мне в этом плюшевом безобразии уютно, как руке в старой перчатке.

Громадная ванна приняла нас в свое нутро с ласковым урчанием, как сытый кот две сосиски. Ольга даже радостно взвизгнула, опускаясь в горячую воду.

А потом мы решили опробовать кровать. Опробовали. Мягкая – в меру. Не скрипит – и это хорошо, меня раздражает, когда данный агрегат, расшатанный поколениями клиентов, действует на нервы подозрением, что вот-вот сейчас возьмет, и развалится. Да и сам звук слушать противно – отвлекает от процесса.

Затем немного поспали – святое дело, отдохнуть с дороги и после купания! В город пойдем завтра, приехали уже после обеда, так что на достопримечательности навалимся с утрачка. Ну или ко обеду – кто нас лимитирует? А сейчас, отдохнув – пойдем в ресторан. Сводить свою женщину в хороший ресторан – что может быть лучше? Если только послересторанные постельные игрища...

В ресторан оделись так, как хотела Ольга – я вырядился в дорогой костюм, купленный в «Березке», она надела небесного цвета платье с декольте и разрезом по левому бедру. Оно скрадывало беременность и делало из Ольги эдакую леди из высшего общества. На шее – изумрудное ожерелье, стоящее как несколько автомашин, на пальцах – перстни с бриллиантами, сверкающие в лучах вечернего солнца почти как электросварка. И туфли на высоком каблуке – итальянские. В общем – буржуи, да и только!

Я костюм надел только ради Ольги – ну его к черту, с этой проклятой «удавкой»-галстуком! Терпеть не могу официоза! Сейчас бы футболку с коротким рукавом, да легкие смесовые штаны, а еще – не остроносые ботинки, пусть даже итальянские, а какие-нибудь сандалии, чтобы ноге удобно и в глаза не бросалось. А тут...костюм с искоркой, ботиночки как у денди...тьфу! Но чего не сделаешь ради любимой женщины? По большому счету мне все равно как одеваться, в любой одежде я чувствую себя абсолютно комфортно. На шестом десятке перестаешь комплексовать на тему: «Ой-ей, что люди подумают, если я так одет!». Да плевать на то, что подумают люди! Я в гостях у президента США ходил в грубом вязаном свитере, и ничего, мне слова плохого никто не сказал!

Впрочем, за рубежом, я это уже заметил, всем по большому счету наплевать – во что ты одет. Если, конечно, не существует специального дресс-кода. И часто богачи (такие как я!) одеваются гораздо скромнее, чем бедняки или средний класс. Богатым незачем пускать в глаза пыль, они знают себе цену, и окружающие их люди тоже ее знают. Я могу в лохмотьях выйти на пресс-конференцию, и все сочтут это моей блажью и чудачеством, показывающим, насколько я оригинален и вообще – законодатель мод. На следующий день, уверен, сотни людей оденутся точно так же, как и я. Пример – наши так называемые звезды из двухтысячных годов. Какой-то дизайнер поглумился над ними, сказав, что сейчас модно носить простреленные из ружья штаны и куртки, выглядящие так, будто их только что сняли с бомжей, и вот они уже щеголяют в отвратных, помойных тряпках, не понимая, что выглядят абсолютными идиотами. А за ними их фанаты – выряжаются так, что в транспорте от них

шарахаются не привыкшие к таким изыскам обычные пассажиры. И что характерно – стоят эти тряпки бешеных денег – как приличный автомобиль! Мне всегда было интересно – до какого предела может дойти глупость наших «звезд»? Когда они наконец-то поймут, что их разводят, как лохов?

Мы спустились по лестнице, устеленной ковровой дорожкой к рецепшену, и я подошел к стойке, чтобы сдать ключ от номера (чего его таскать в кармане?). Давешняя администраторша увидев нас изменилась в лице – вначале побелела, потом покраснела, и сделалась очень-преочень услужлива. Особенно после того, как увидела изумруды и бриллианты на моей жене. Спросила, как мы устроились, не надо ли нам чего-то еще, и вообще – нравится ли нам этот отель. Я милостиво сообщил, что отель нам нравится, и что устроились хорошо, и очень ей благодарны. А потом презентовал женщине солнцезащитные очки – дешевые, я их тоже в «Березке» купил, набрал с десятков таких, чтобы «умасливать» нужных людей – к примеру вот таких клерков, как эта женщина. На очках красивая наклейка «Мэйд ин...», прямо в самом центре «очка». Уверен, так и будет ходить, не отдирая наклейки – ибо так положено настоящим знатокам «фирмы». «Плавали, знаем!».

Женщина была совершенно счастлива, получив такой дорогой подарок, ну а я с некоторой досадой отметил для себя – как легко купить человека за вот такие вот «бусы и зеркальца». Как дикарей в Омерике. Вот так и купили наш народ, пообещав ему дешевые джинсы, жвачку и кока-колу. И народ отказался от прошлого, только через годы поняв, что его, этот самый народ, жестоко и грязно обманули. Не в жвачке сила. И даже не в ее количестве. Но было уже поздно.

Прямо из вестибюля можно было пройти в ресторан, но мы прежде решили немного пройтись по Дерibasовской – так сказать нагулять аппетит. Конечно, на каблуках особенно на нагуляешься, но мы и не собирались идти далеко. Так...на мир посмотреть. Ну и себя показать. Вернее – Ольгу. Она была просто сногшибательна! Подкрасилась – ресницы импортной тушью, слегка брови, тени навела...черт возьми, вот где таких красоток выдают?! Кстати – с краской она чуть постарше стала, теперь больше похожа на студентку, чем на школьницу старших классов. Нарочно так покрасилась.

И вот – мы такие все из себя нарядные, идем по Дерibasовской. Ольга каблучками цокает по старинной брусчатке, еще светло, но дома и тенистые деревья укрыли от солнечных лучей, а мне вот в пиджаке жарко, черт подери! Ольга-то в легком платье, под которым только узкие трусики, а я вырядился в

плотную ткань! Зря ее послушался, оделся как лорд-пэр, проще надо быть, народ к тебе и потянется.

Мимо едут смешные круглые троллейбусы-«Луноходы», полные людей, «москвичи», «победы», «Волги». Хотя есть и иномарки – вон, древняя «вольво», похожая на чемодан. Вьюнош молодой в ней сидит за рулем – мажорчик, точно. Куды ж без них?

Вообще – народа к вечеру стало больше – идут, весело болтают, скорее всего большинство из них отдыхающие. Смотрят на нас – кто удивленно, кто с улыбкой, и все мужчины оглядываются – на Ольгу, само собой. Стайка парней «нашего» возраста восхищенно присвистнули, а один вдруг явственно и горячо забормотал вполголоса (мне было хорошо слышно):

– Это актриса, Варлей! Зуб даю – она! Ну, ништяк чувиха! Я б ей отдался!

– Ништяаак... – протянули остальные парни и пошли дальше, время от времени оглядываясь и видимо обсуждая стати моей подруги.

Меня это все немного раздражало – не люблю я шумиху вокруг себя, если только это не для дела, но Ольга...женское начало в таких случаях всегда брало над ней верх. Какая женщина не хочет, чтобы ей восхищались, чтобы перед ней преклонялись, обожали? Вот и она не исключение из правила.

Кульминацией всего была встреча со старичком, которого и стариком-то назвать язык не повернется. Старомодно одетый – шлапа, пиджак, отглаженные до лезвийной остроты брюки, начищенные до блеска черные полуботинки – он выглядел таким архаизмом, таким осколком былых времен, как-то заскочившим сюда из прошлого этого старого города, что я не поверил своим глазам. Будто сошел со сцены, или выскочил из фильма про старую Одессу – не снимая с носа своих таких же древних очков в золотой оправе, с которых свешивалась золотая цепочка. Увидев нас, он чуть прищурил глаза, потом решительным шагом подошел, изменив направление движения, и спросил у меня, церемонно взявшись за шляпу:

– Приветствую вас! Простите, вы не позволите выразить восхищение вашей спутнице? Я сражен в самое сердце ее красотой!

– Выразите, на здоровье – едва не расхохотался я, так был комичен этот персонаж. Мужчина поклонился Ольге и хорошо поставленным, слегка грассирующим голосом сказал:

– Вы прекрасны, мадмуазель!

– Вообще-то мадам – улыбаясь, ответила Ольга, и мужчина чуть смешался, заметив ее «интересное положение».

– Ооо...мадам! Вы просто обворожительны! Позвольте выразить вам мое восхищение! Пока на свете есть такие красавицы, как вы – мир еще не безнадежен! Спасибо, что вы есть на этом свете! Эх, где мои двадцать лет! Я бы бросился вам в ноги и увел за собой, чего бы это мне не стоило!

Он посмотрел на меня, усмехнулся, и добавил:

– Впрочем, с таким спутником как ваш, уверен – у меня бы ничего не вышло. От таких мужчин не уходят!

И он снова церемонно взялся за шляпу, поклонился и пошел дальше. А мы остались стоять – улыбаясь и переглядываясь, как школьники. А потом Ольга тихо сказала:

– Знаешь, только ради этого стоило поехать в Одессу. Спасибо тебе!

И после паузы добавила:

– Ну что, пойдем назад, в ресторан? Я уже достаточно нагуляла аппетит. Да и честно сказать, гулять в туфлях с семисантиметровыми каблуками – это не для меня.

И мы развернулись в обратную сторону. Старичка уже не было – куда он подевался, я так и не заметил. Как в воздухе растворился. Может сел в троллейбус? Единственное, о чем я жалел – не остановил его, не поговорил – очень уж захотелось узнать, кто это такой, чем занимался в своей жизни. Таких колоритных персонажей надо запоминать – писателю всегда пригодится. И вообще – чудачки интересны, они делают нашу жизнь ярче.

Глава 3

Бах-бах! Бах-бах! Бах-бах!

Три «двочки», три пораженные мишени. Пули из пистолета Ярыгина легли ровно в грудь мишеням. Карпов всегда учил: «Стреляйте в грудь! Или в живот. Он мягкий, и широкий. Не промажете! А в башку стрелять дело дурное – чуть дернулся, вот и прошли ваши пули мимо!». Единственный недостаток при стрельбе в корпус – это то, что противник может надеть бронежилет, и тогда обычные парабеллумовские пули его не убьют. Хотя врежут так, что и ребра вхлам, и внутренние органы поплачут. Но вот если использовать бронебойные патроны – тогда легкие бронежилеты скрытого ношения прошивает на-раз.

А вообще – хороший пистолет, и гораздо лучший, чем «макаров». Макаров пригоден для ближнего боя – слабенький пистолет с хорошим останавливающим действием, с дистанцией эффективной стрельбы максимум 25 метров. «Грач», как еще называют пистолет Ярыгина – прицельная дальность пятьдесят метров. Но самое главное – емкость магазина. У «Грача» в магазин вмещаются 18 патронов, против 8 у «Макарова».

Недостаток наверное только один – вес. Но к этому можно легко привыкнуть – не настолько этот пистолет тяжелый.

Настя тренировалась в тире поместья работодателя – хороший пятидесятиметровый тир в подвале дома был оборудован всем, что нужно стрелку из пистолета. Для стрелков из карабина он конечно недостаточно длинный, а вот пистолетчику в самый раз – никто и никогда не стреляет из пистолета на предельной дальности. Ближний бой – вот работа для пистолета. Кстати сказать, в снайперском сообществе уверены в том, что пистолет это лишь крайнее средство и способ добраться до автомата. На войне видимо все так и есть, но в городе, когда огневой контакт происходит практически в упор, на расстоянии десяти-пятнадцати метров, а то и ближе – прицельная дальность не имеет особого значения. Как учил Карпов – на таких расстояниях можно стрелять даже не поднимая руки выше пояса, от бедра – как киношные ковбои. И Настя умела это делать. В первый раз придя в тир, она продемонстрировала коллегам-охранникам свое умение, за считанные секунды поразив три мишени

прямо от бедра, целясь интуитивно, «по наитию».

И этому ее тоже учил Карпов. Стреляла Настя очень недурно, но уроки, которые ей дал командир, подняли ее умение на другой, высший уровень мастерства. Конечно, с ним ей не сравниться – он вообще можно сказать не человек с его дикой способностью попадать в цель всегда, за полтора километра и больше, но кое-что она все-таки могла. И это кое-что было покруче умения здешних телохранителей. Как им не стыдно было это признать.

Вообще-то Настя сомневалась, что придется применять свое умение – в отношении стрельбы. Ну кому это надо палить в девчонку, совершенно не замешанную ни в какие криминальные, ни в коммерческие дела? Лена моталась по ночным клубам, встречалась с такими же как она мажорами, прожигала жизнь, как могла и как хотела, и ей пофиг было на все и на вся. Злой она не была, глупой тоже, да и характер, как ни странно, довольно-таки мягкий – постоянно помогала приюту для кошек и собак, перечисляла туда деньги. И вообще – если увидит, что при ней обижают животных, просто слетала с катушек. Вот тут как помощь Насти и была нужна. И кстати сказать – впервые, когда Насте пришлось вмешаться, был именно такой случай.

Они с Леной пошли на вечеринку, устроенную в загородном доме одним из знакомых Лены – молодой мажор, папа которого раньше работал здесь, в городе, потом отправился в Москву на вполне приличную должность в крупной нефтяной корпорации (так Лена сказала). Сынок на лето приезжал так сказать на малую родину, строил из себя завязатого москвича, и как сказала та же Лена: «Понтовался по-полной». Лену пригласил другой ее знакомый, одноклассник по спецшколе с углубленным знанием французского, тоже из каких-то там...то ли семья чиновников, то ли коммерсанты – не суть важно. Сейчас одно от другого отличить трудно. И вот в загородном доме, который пустовал большую часть года (если не считать садовника и сторожа), собралась толпа молодежи – человек двадцать, или чуть больше. Все примерно одного возраста, все непростые, и практически все друг друга знают. Лена же представила Настю, как двоюродную сестру, приехавшую в гости с севера, шепотом пояснив, что появляться на тусовке с телохранителями – дурной тон, скажут, что понтуется и вообще... Настя только пожала плечами и согласилась, ей было по большому счету наплевать. Работа, ничего больше.

Оделись соответственно – Лена в какие-то совершеннейшие тряпки, вероятно стоящие огромных денег – драные джинсы с дырками в самых интересных

местах, топик, слишком короткий, чтобы полностью закрывать груди сверху, никакого само собой лифчика, ну и кроссовки – которые стоят, как зарплата обычного человека за месяц. Настя оделась простенько – юбка с разрезом по бедру справа, свободная пестрая блузка, кожаные туфли на низком каблучке – в таких и бегать хорошо, и если что врезать в живот можно очень даже легко. Обе коротко стриженные, и чем-то даже похожие. Только Настя чуть не на голову выше Лены, и к тому же блондинка. За две сестры сойдут при не очень внимательном рассмотрении.

Само собой, Настя была вооружена – на поясе, под блузкой – «Грач» с двумя запасными магазинами в специальном поясе вокруг талии (Жарко, да! А что поделаешь?! Работа!), на бедре пристегнутый нож в ножнах – боевой нож, Настя его сама выбирала, а ей уже привезли заказанное. Вот, в общем-то, и все. Если не считать телескопической дубинки в сумочке, а также пакета первой помощи – там же.

Настю встретили прохладно – глядя на ее простенький наряд, на кроссовки, которые точно не стоят пятьдесят штук – только что морду не воротили. Впрочем – парни поглядывали на ее задницу вполне себе благосклонно, и даже более того. Все шло пристойно, хотя и шумно – подвыпив, начали раздеваться и прыгать в бассейн (Настя пить отказалась, как и раздеваться). И уже ближе к вечеру произошло то, чего в общем-то не ожидали. Где хозяин дома, высоченный блондин модельной наружности взял этого котенка – неизвестно. Нарочно приготовил, или поймал где-то у себя в саду, только он объявил, что сейчас покажет, какой он жесткий, и даже жестокий человек, и как он расправится со своими врагами. И забросил котенка в бассейн. И не просто забросил, а перед этим засунул его в прозрачный полиэтиленовый пакет.

Все произошло в считанные секунды – он пришел уже с котенком и с пистолетом в руках (оказалось, это пневматический пистолет, как две капли воды похожий на известный всем «Хай пауэр»). И начал стрелять по котенку, истошно пищущему, извивающемуся в воде и пытающемуся вздохнуть воздух. Стрелял он отвратительно, и не попал ни разу. Но старался.

Лена отреагировала мгновенно – с криком ярости она бросилась на хозяина вечеринки, и вцепилась ему ногтями прямо в лицо, продрав несколько глубоких, кровоточащих полос. При этом в голос матерясь и обзывая парня самыми что ни на есть паскудными словами. Потом бросилась в воду, как была, в одежде, схватила котенка и разорвав пакет прижала животное к груди. Парень же – что

ему стукнуло в голову, неизвестно – поднял ствол пистолета и прицелился в Лену. Если бы он успел выстрелить, неизвестно, что бы случилось. Но он не успел. Настя мгновенно выхватила свой «Грач» и одним выстрелом выбила оружие из рук придурка, чудом умудрившись при этом не отстрелить ему пальцы.

Поднялся визг, кто-то из парней и девок побежал к воротам, а откуда не возьмись появились двое охранников, или телохранителей – тоже с пистолетами в руках. В доме наверное сидели. Увидев Настю с пистолетом, направленным на хозяина вечеринки один из охранников завопил: «Лежать! Бросить оружие!» – и выстрелил вверх. Второй просто встал в стойку, направив ствол на Настю, и было видно – он трусит, и сейчас, если кто-то еще завизжит или грохнет стаканом об пол – выстрелит, и на таком расстоянии промахнуться ему будет очень даже проблематично. А Насте не хотелось получить пулю в живот из пистолета в трясущихся руках непрофессионала. Потому она шагнула в сторону и выстрелила ему в плечо. А потом, сразу же – в плечо второго. Пистолеты (это были такие же «Грачи», как у Насти) – брякнулись на пол, а она как можно громче завопила:

– Всем стоять! Не двигаться! Если кто-то двинется – буду стрелять! И еще дважды выпалила в чистое вечернее небо.

В общем – вечеринка удалась. Все, кто там был – запомнят ее навсегда. Часть мажоров точно напустили в штаны, а двух девицам стало плохо, и они потеряли сознание. Впрочем – возможно от того, что перебрали спиртного и порошка.

Потом была полиция – приехали сразу несколько экипажей, в бронежилетах и с автоматами. С Настей разговаривали так, будто она была маститой террористкой-смертницей. Затем появился папа Лены, и когда та ему объяснила, что здесь произошло – сразу кинулся в бой. И все стало немного иным – и полицейские помягчели, и охранники, которые рассказывали о злобной девке с пистолетом в руках сразу посмурнели. А то они, несмотря на свои раны рвались содействовать следствию в обличении негодяйки.

Впрочем – ситуация на самом деле была непростой, и что они должны были делать? Стоит девка с пистолетом, воеет сын хозяина дома, причитая о нанесенной ему травме – хорошо хоть палить не начали с первых же секунд.

Закончилось все глубокой ночью – всех опросили, взяли объяснения, у Насти изъяли пистолет, приобщая его к делу, а затем отпустили под подписку о невыезде. Которую через два дня отменили. И дело закрыли. Папа Лены дал денег охранникам, после чего они написали отказ в претензиях, а когда прилетевший из Москвы папа придурка-мажора приехал с наездом на Кудасова, то быстренько обломался – тот предъявил ему показания свидетелей, и сказал, что пусть радуется тому, что телохранительница дочери не прострелила его сыночку башку, так как все основания для этого у нее имелись. В первую очередь – направленный в ее голову пистолет. И что если бы хоть один волос упал с головы дочки, он бы лично взял ствол и пристрелил этого ублюдка.

После всего высказанного, прочитанного, выкрикнутого – оба олигарха выпили водки, и папаша придурка слезливо жаловался, что из хорошенького, умного мальчика выросло такое вот мудло. Пока он работал на северах, отмораживал себе яйца, его благоверная женушка воспитала такое вот дерьмо, которое приносит ему все больше и больше проблем. Он уже устал прикрывать его от ментов и бандитов, выбросил немеряно бабок, чтобы заткнуть рты и служебные кабинеты. И чувствует, что кончится все это очень даже дурно.

Настя не испытывала сочувствия к плачущему крокодильими слезами папаше – этой мрази, его сыночку, давно пора быть на нарах. Она погуглила, и узнала, что тот в прошлом году сбил на пешеходном переходе молодую пару – девчонка осталась инвалидом. Сколько папенька отдал за то, чтобы сына не посадили – история умалчивает. Много. Парень десятков раз попадался ментам, хамил, набрасывался с кулаками – и папенька снова его выручал. Мажор на самом деле был откровенной мразью, и таким как он точно не следует жить. Плохо было то, что прежде чем его посадят или убьют, он обязательно кого-нибудь угробит. Примеров тому – масса.

После этого инцидента отец Лены преисполнился к Насте глубочайшего уважения. Даже на удивление. И выплатил ей премию – пять тысяч долларов, что вообще-то нетипично для богатых людей, или скорее даже полностью выпадает из ряда. Потому что не зря в народе говорится – чем ни богаче, тем жаднее.

А вообще, если не считать этого происшествия, жизнь Насти текла на удивление спокойно и безмятежно – жила она в гостевом доме со всеми удобствами – три комнаты, ванна, и все такое прочее. Питалась с хозяйского стола – ей приносили еду в дом, или же ела вместе с Леной, а когда Кудасов был дома – то и вместе с

ним, всей, так сказать, семьей.

Жену хозяина дома Настя пока что так и не увидела – со слов Лены, та моталась по заграницам, развлекаясь в свое удовольствие, и хорошо, что моталась – воздух будет чище. Явно Лена свою мачеху недолюбливала. Видимо – было за что.

Единственное, что напрягало – совершенно не было свободного времени. Охрана Лены занимала это время с утра и до ночи, так что выехать в город и заняться поисками Зины, а также посетить жену...или бывшую жену Карпова? В общем – пока не могла этого сделать.

Ну а в остальном...стреляла в тире, занималась в спортзале (вместе с Леной, та оказалась неплохой спортсменкой, или как тут говорят «фитоняшкой»), отработывала рукопашный бой с другими охранниками, которые как оказалось зла на Настю не держат, и вроде даже в нее слегка влюблены. По крайней мере точно мечтают затянуть ее в свою постель. Несмотря на то, что она сразу заявила, что постельные игрища на рабочем месте ее точно не интересуют, и за этим надо обращаться к компетентным людям с пониженной социальной ответственностью.

То, чего больше всего боялись – так и не случилось. Никто не пытался Лену похитить, никто не преследовал ее, и не было никаких «предъяв» от кавказской диаспоры. С тех пор как Лена с Настей вышли из психбольницы, прошло уже три недели. За это время Лена один раз ездила в райотдел полиции на допрос, сопровождаемая двумя адвокатами (и само собой – Настей), ну и больше никаких процессуальных действий по уголовному делу не происходило. У отца Лены на руках было заключение психиатра о том, что Лена не отдавала отчета своим действиям, так что суд, который должен состояться в августе, скорее всего положит конец уголовному преследованию. Увы, Лену поставят на учет, как психбольную, но тут уж никуда не деться – или на зону, или справку о поехавшей крыше. Так отец-олигарх и объяснил своей непутевой дочери. А потом спросил у компетентного человека, то бишь у Насти – что она думает по поводу возможных наездов от этой чертовой диаспоры. И Настя честно ответила: люди гордые, люди мстительные, люди богатые и можно сказать беспредельные, так они это дело не оставят. И как только уголовное дело будет закрыто – следует ожидать каких-то действий. Каких – это уже другой вопрос. Скорее всего, попытаются изувечить – плеснуть в лицо кислотой, или избить так, чтобы осталась инвалидом. Вряд ли решатся на радикальные меры вроде

снайпера, или киллера с миной. Не тот уровень, и не та мишень. Еще могут попытаться похитить – но это уже вряд ли. Хотя...все может быть. И единственный способ уберечься от неприятностей – не ездить по городу в поисках приключений, а уехать, заныкаться куда-нибудь подальше, где Лёну никто не знает. За границу, например. Пока все не утихнет, и пока это дело не забудется.

Но Настя ошиблась. Все началась гораздо раньше. И закрутилось, завертелось...

– Сколько, вы сказали, вам лет?

– Ни сколько я не сказала! – холодно ответила Зинаида – Я вам уже в десятый раз повторяю: не помню, с какого я года, сколько мне лет!

– И откуда у вас осколочные шрамы на животе – тоже не помните, да?

– И шрамы – тоже не помню! А с чего вы взяли, что они осколочные?

– Я послужил в Сирии – вздохнул хирург – Я видел осколочные ранения, в том числе и в живот. Вам некогда распорол живот, и хирургу пришлось собирать внутренности. И вы ничего не помните?

– Не помню! – отрезала Зинаида, и повернулась к лечащему врачу – Когда мне принесут моего Мишу?

– Тогда, когда мы убедимся, что вы не представляете опасности для ребенка – мягко ответил врач – То, что у вас отсутствуют воспоминания, говорит о том, что в вашем мозгу есть какие-то патологические изменения. И мы хотим понаблюдать за вами, удостовериться в том, что у вас нет никаких агрессивных намерений по отношению к окружающим. Кстати сказать, начальство предлагает поместить вас в психиатрическую клинику, чтобы специалисты сделали свои выводы. Вы уже окрепли, так что нахождение в клинике не будет для вас опасно. Мы здесь сделали все, что могли, и пусть попробуют другие.

– Кстати, ваши шрамы рассасываются – бледнеют, исчезают. Они уже почти незаметны. Как вы это объясните? – спросил хирург, пытливо глядя в глаза пациентке.

– Да я откуда знаю! – фыркнула она, и но глаза ее чуть прищурились. Хирург отметил это, и сделал вывод: врет. Знает. Она – точно знает! Но поделаться он ничего не мог. Ну не пытаться же ее, в самом-то деле?!

– Вы выглядите на тридцать лет – продолжил хирург, внимательно наблюдая за пациенткой – Вы еще худоваты, но...восстанавливаетесь с феноменальной скоростью. Насколько мне сказали, едите очень хорошо. А еще – занимаетесь физкультурой?

– Занимаюсь. Отжимаюсь, приседаю, ну и всякое такое – невозмутимо ответила Зинаида – Надо же восстанавливать форму. Иначе жиром заплывешь. У меня проснулся аппетит, и я целыми днями ем. И это нормально. Организм требует горючего. Ну а что касается психиатрической лечебницы...считаете нужным туда отправить – отправляйте. Все равно мне здесь лежать нет никакого смысла. Лечения я не получаю, а бестолку занимать койку не хочу. Да и кроме того – без психлечебницы все равно я не смогу получить свой паспорт, так что...давайте, оформляйте!

Ее отвезли в лечебницу уже вечером, на скорой помощи, принадлежащей этой самой психбольнице. И она едва не смеялась – ее, для которой психбольница была домом родным, больница, где она заведовала целым отделением...и вот Зинаида снова здесь. Здесь, но...уже в качестве пациентки. Ирония судьбы, что еще сказать.

В приемном покое она просидела почти полтора часа, пока ее оформили и отвели в общую палату, в которой находилось десять человек. Уже в самом конце оформления медсестра, которая ее принимала, с усмешкой вдруг сказала:

– Макеева? Зинаида Михайловна? Да ты шутишь, подруга! Так зовут почетного врача, профессора, доктора наук, психиатра с мировым именем – бывшего нашего главврача! Что, в газете прочитала, что ли? Ну о том, что ей сто лет исполнилось?

– Сто лет? – Зинаида вдруг почувствовала, как внутри у нее заглодело и сердце забилось чаще – Она что, жива?

– Жива, почему бы и нет? – пожалала плечами пожилая медсестра – Хорошая женщина, никогда зря не ругала! Не обижала и в деньгах, всегда за персонал стояла горой! В обиду не давала! Но и лоботрясов терпеть не могла, могла вообще на пинках вынести, если что. Молодец баба! Войну прошла! Ранена была, награждена!

Она записала на бумагу, остановилась, хмыкнула:

– Везет нам на беспмятных! За последнее время ты вторая будешь.

– А кто первая? – снова едва не вздрогнула Зинаида – Она здесь?

– А откуда ты знаешь, что «она»? – подозрительно посмотрела медсестра – а может это мужик был?!

– Ну...«вторая», значит женщина – я так предположила – спохватилась Зина, ругая себя за прокол.

– Женщина, да. Девушка. Красивая такая, блондинка, высокая! А сильная – это что-то! Она одну девку подняла как котенка, и в пруд забросила! Мужик бы не смог – а она смогла!

– Буйная, что ли? – вроде как невзначай спросила Зинаида.

– Нет, не буйная – поморщилась медсестра – Та баба паскудная, зоновская, начала наезжать на одну девчонку, так эта Настя за нее заступилась, и отлупила ее. Ладно, хватит болтовни – в палату пора. Пойдем, покажу куда тебе лечь...

Мы ходили и ездили по Одессе всю неделю с утра до вечера. Побывали везде, где только можно было побывать. Само собой – были и на Лестнице, глазели на Дюка, Привоз – куды ж без Привоза?! Кстати – базар, как базар...что я, базаров

не видал? И торговцы ничем не отличаются от каких-нибудь саратовских торговцев – даже немного разочаровались. Что естественно было просто глупо. Что, они должны были все хохмить и разговаривать на «одесском» языке? Или я ожидал увидеть каких-нибудь биндюжников, в башмаках «со страшным скрипом»? Правильно сказала Ольга – не нужно слишком больших ожиданий – не будет и разочарования.

Побывали в порту – красиво, чего уж там. Туристические лайнеры, грузовые суда – все, как положено. А вот само море меня разочаровало, как и пляж Ланжерон. Море грязное, больше похожее на Азовское. И пляж грязный, пыльный какой-то...бумажки набросаны, окурки. Это тебе не Средиземное море, и не Греция. Тут все попроще.

Но вообще город понравился. Чистый, вылизанный до блеска, старинный – весь в брусчатке. Не знаю, как обстоят дела в 2018 году, может брусчатку повыковыривали, или застелили асфальтом, как это сделали в Саратове, но сейчас Одесса была прекрасна своим напоминанием о прошлом. Да, по асфальту ездить комфортнее, мягче, ничего не стучит, но...лучше бы брусчатка осталась. Как в Одессе.

Тенистые улицы, кафе-мороженое, Приморский бульвар с запахом цветов – огромные клумбы цвели и одуряющее сладко пахли. Гуляющие туристы, довольные, счастливые советские граждане. Еще не разделившиеся на братьев и небратьев. И теперь не разделятся. Все для этого сделаю. И уже сделал!

Мы гуляли днем, гуляли и поздно ночью, когда спадала жара и прохожих становилось мало. Сидели на скамейке над морем и смотрели на лунную дорожку.

Почему-то я чувствовал себя здесь абсолютно безопасно. В голове угнездилось: это старая Одесса, правильная Одесса, и нам здесь ничего не грозит! И правда – за все время, что мы ходили по городу (а забирались в самые что ни на есть укромные уголки), к нам никто не пристал, никто не попытался ограбить или обворовать. Я как-то раз даже со смехом сказал Ольге, что похоже Жуков все-таки искоренил одесскую преступность. Всех перебил. Ну ничего не осталось, даже неинтересно! На что она серьезно ответила, что ей очень даже нравится такая вот «неинтересность», и что она не одобряет моего желания получить полную задницу адреналина, в очередной раз побеждая негодяев!

К концу недели честно сказать мы приустиали, надо было завершать наш вояж и отправляться восвояси. Ольга снова не очень хорошо себя чувствовала, и я принял решение возвращаться не на машине, а на самолете. Вот только куда девать мой «жигуленок»? Бросать жалко, хотя для меня сумма, что я отдал за машину вовсе даже плевая. Поговорил с Ольгой, и она меня поддержала – просто так бросать машину, чтобы она превратилась в грудку ржавого железа – это нехорошо. Люди мечтают о такой машине, и не могут ее купить. А мы вдруг возьмем, и бросим по типу: «Да не доставайся ты никому!»? Нет уж – продадим. Тысяч за шесть. Она где-то так и стоит. Пробег мизерный, даже ТО-2 еще не прошла, краской пахнет – выгоним на авторынок – с руками оторвут. Только на учете стоит в Москве – придется ехать туда и снимать. Потому продавать придется по генеральной доверенности – новый хозяин сам поедет, да и снимет с учета. Продаю-то не по спекулятивной цене, так что пускай берет на себя эти трудности. Дело в принципе грошовое и не очень трудоемкое. Вот только где здесь автобазар? Куда гнать машину?

Решение пришло сходу – кто лучше знает все рынки, и авторынок в частности? Конечно, таксисты. А я видел одного, постоянно дежурившего у входа в гостиницу – мужичонку лет сорока, шустрого, остроглазого – как и большинство таксистов. Мы кстати не раз пользовались его услугами. Его звали Шурик (сам так назвался), он был услужливым и улыбчивым, явно напрашиваясь на чаевые. Впрочем – я и не скупился. У всех своя работа – я сумел заработать, так почему не дать заработать и таксисту? Платил два счетчика, и еще сверху – за ожидание. И мы были довольны друг другом. В общем – я пошел к нему за консультацией – где побыстрее можно продать мою «тачку».

– Та зачем на базар?! Да ты шо?! По такой цене – та я тебе враз покупателя найду! Завтра утречком, в десять часиков, жди клиента! – Шурик радостно похлопал меня по плечу и расплылся в улыбке – с тебя будет магарыч! Мы, коренные одесситы, всегда готовы помочь людям! И нотариус есть свой – без очереди внатуре оформит! Завтра будешь с бабками, не парься!

Вернулся в номер я можно сказать окрыленным. Проблемой меньше. Нет, опять же – и денег не жалко, но просто бросить машину на растерзание? Нет уж...у меня к машинам вообще эдакое трепетное чувство, они для меня как живые. Я с ними разговариваю, глажу, прошу не подвести. И они меня обычно не подводят.

Ну...почти не подводят.

В этот день мы еще погуляли по городу, сходили на пляж, немного пожарились на солнце, а вечером пошли в «Гамбринус» пить пиво. Ольга чисто символически – ей с ее животом какое пиво?

Ну да, красивая пивная. Когда мы с женой мечтали о поездке в Одессу, кроме лестницы, Дюка и Привоза мечтали посетить это заведение, о котором писал еще Куприн.

«Пивная состояла из двух длинных, но чрезвычайно низких сводчатых зал. С каменных стен всегда сочилась беглыми струйками подземная влага и сверкала в огне газовых рожков, которые горели денно и ночью, потому что в пивной окон совсем не было. На сводах, однако, можно еще было достаточно ясно разобрать следы занимательной стеной живописи».

Увы, живописи уже не было, как не было и скрипача Сашки, если он вообще когда-нибудь существовал, а не был придуман мозгом Куприна. Ну а так – сводчатые стены, светильники вместо газовых рожков, по стенам – какие-то значки, украшения, модели кораблей, фотографии – тот же Куприн, еще какие-то известные личности. Пахнет пролитым пивом, прохладно, и довольно-таки многолюдно, несмотря на то, что можно сказать – раннее время. Столы почти все заняты, и мы с трудом нашли себе местечко – как раз будто для нас со скамеек снялась стайка отдыхающих – папа, мама, сын-подросток и дочка чуть постарше. Мы коршунами бросились на этот столик и с облегчением приземлились на лакированные задами посетителей скамьи. И вовремя. Со сцены в торце помещения послышались звуки растягиваемого аккордеона, ловкие пальцы прошлись по клавишам, и музыкант заиграл «Ах, Одесса...жемчужина у моря». Пока он играл, подошла официантка и приняла у нас заказ. Я взял пару кружек светлого, закуски, заказал мяса на углях, жареной картошки, салата Ольге – она отказывалась есть жареное, мотивируя потолстением, ну и стали ждать еду, попивая пиво и слушая песни. Песни всякие, в основном с уклоном в шансон – что в общем-то и понятно, Одесса ведь! Уголовный флер, япончики-котовские и все такое прочее. Так-то я терпеть не могу российский шансон, суть синоним «блатняк», но тут все было в рамках приличий. Никаких «сизу на нарах как король на именинах». Все больше с уклоном в эдакий растиражированный в кино и книгах одесский флер. И надо сказать – им это удалось. Я будто сквозь дымку видел вместо столов бочки, грубый народ – грузчиков, моряков, шпану, которые ходили в эту пивную. И скрипача Сашку, который играл, как бог на своей

скрипке.

Кстати – скрипка тут тоже была (видимо в дань уважения купринскому Сашке), и скрипач играл очень даже недурно. А уже когда мы почти расправились с принесенной нам горячей едой, оркестр вдруг заиграл...«Ты неси меня река...»! И народ хлопал, кричал браво. А потом, следом – «Давай за жизнь...» и «Батяня комбат».

Черт подери! Где?! Пивная «Гамбринус» в Одессе – и нас догнали «наши» песни! Ольга улыбалась, глядя мне в глаза, и на душе у меня было не просто хорошо, а...замечательно. «Кууул!» – как говорят американцы.

Потом были пару песен опять же с «босаяцким» налетом, а за ними – «Выйдем в поле с конем». И народ снова хлопал и кричал браво. Были и песни Высоцкого, «Они стояли молча в ряд, их было восемь...». Ну, тут уж святое дело! Эта песня точно для Одессы.

В общем – посидели мы, послушали, поели (Вполне недурно, и недорого. Если по моим понятиям...). Когда уходили из пивной, на небе уже светила полная луна, сияли звезды, и только редкие прохожие ускоряя шаг шли по Дерибасовской, торопясь занять свои места под легким летним одеялом. Жара спала, и было уже довольно-таки прохладно – Ольга ежилась, я ее обнял и прижал к себе. Так мы и дошли до гостиницы.

Дежурила не та администраторша, которая нас принимала в первый наш день в Одессе – в этот раз была довольно-таки молодая девушка, приятная, веснушчатая. К нам с Ольгой она относилась со смесью почтения и самой настоящей искренней приязни – мы чем-то ей нравились. Или не мы, а я – она все время косилась на меня и вздыхала, возможно представляла себя на месте Ольги. Ну как же – молодой, богатый, стройный-красивый и нежадный: я в прошлый раз подарил администраторше коробку конфет. Просто так, ни за что. Я вообще сторонник того, чтобы давать чаевые и баловать персонал подарками. Тогда они становятся к тебе гораздо добрее и скорее всего не станут мыть твоей зубной щеткой унитаз или плевать тебе в кофе. Будь добрее к людям – и они не нассут тебе в ботинок. А если и нассут, то не так уж и много, как бы могли.

Легли мы спать, и тут же отрубались – Ольга сильно устала, а я не хотел ее лишней раз беспокоить. Пусть спит. Одну ночь обойдусь без секса.

Проснулся в девять часов утра – как себе и заказывал. Я умею просыпаться без будильника – перед сном представляешь, в какой час ты должен проснуться, и точно просыпаешься – обычно за пять минут до назначенного времени. Эта способность выработалась у меня с годами и еще ни разу не подводила.

Ольгу будить не стал, пошел, принял душ, почистил зубы, побрился безопасной бритвой – не люблю ходить со щетиной, я же не какой-то рекламный мачо. К тому же щетина делает мою физиономию какой-то...подозрительной, угрожающей. Люди шарахаются. Уж лучше борода, хотя и та делает меня похожим на разбойника Ваньку-Каина. Наверное, именно так он и выглядел. Ольга говорит, что я преувеличиваю, что и с бородой типа писанный красавец, но это она так... «Любовь зла, полюбишь и козла».

Надел чистое белье, свежие штаны и майку – вот я и готов к торговым сделкам. Паспорт и документы на машину в карман, как и ключи. Все, можно ехать. Поцеловал сонную, вскочившую с постели Ольгу, ласково похлопав ее по заднице и сжав левую грудь (Завалить на кровать, что ли?! Успею ведь еще к десяти! Если что – подождут!), но отбросив грешные мысли побрел на выход из номера. Спустился, поздоровался с третьей дежурной администраторшей, уже заступившей на дежурство – пожилой дамой в золоченых очках, глядевшей на мир строго и с осуждением, и вышел через запасной ход во двор, где стояла моя «ласточка», слегка запыленная, но все равно сияющая свежей, не потускневшей краской и еще не ободраным хромом бамперов. По нынешним временам ее можно сравнить если что с поршем из двухтысячных годов, или с джипом-«мерседесом». Жигулята только-только пошли в народ, и очереди на них растянулись на долгие годы. А тут – вот она, сверкает блеском стали! Ну и пластика, само собой.

Когда выехал из ворот – Шурик уже был на месте, стоял у входа в гостиницу и беседовал с двумя бесцветными типами, ничем не примечательными кроме одной детали – у того, что поменьше, худощавого парня лет тридцати, на голове красовалась кепка, такая, какую обычно носят гопники. Впрочем – для Одессы это не показатель. Тут уголовная романтика больше, чем в ходу – ей тут живут.

Я поздоровался – одного из новых знакомых звали Василий, другого – Антон. Антон – это тот, что в кепке. Василий – высокий, жилистый, молчаливый, лет сорока от роду. Они внимательно осмотрели машину, заглянули и под капот, и в багажник, но мне показалось – как-то невнимательно. Но это было по большому счету понятно – новая машина, чего ее просвечивать рентгеном? Ну, послушали –

работает мотор, да. И все! Пока едем к нотариусу – проверится на ходу. Посмотрели документы на машину – все в порядке с документами. Посмотрели мой паспорт – паспорт, как паспорт. Обсудили сделку – договорились, что нотариуса оплачиваю я – ну так-то я и не протестовал, копеечное дело, что уж там... Покупатели сказали, что денег с собой не взяли (Ходить с такой суммой денег как-то стремно! Тем более что она не в крупных купюрах), надо будет съездить на Молдаванку, где они живут, там полностью со мной рассчитаются, а потом отвезут в гостиницу – ну не пешком же мне добираться?

Нотариус был рядом, на соседней улице, и очереди к нему не наблюдалось. Чтобы сделать доверенность с правом продажи, передоверия и всякого такого у нас ушло около сорока минут – пока напечатали саму доверенность, пока нотариус все проверил, пока расписывались – вот время и прошло. Машинистка печатаете быстро, но у нее не компьютер с забитыми в память бланками доверенностей, приходится печатать каждое слово. Оформили доверенность на Шурика – он водила, ему легче потом съездить и снять машину с учета. Так сказали покупатели.

Доверенность и к ней две копии я положил к себе в паспорт, и мы отправились на Молдаванку. Я за рулем – пока не рассчитаются, за руль их не пушу. Кто знает, как они водят машину, еще расхерачат о столб! А потом попробуй, возьми с них деньги.

Ехали недолго – до Молдаванки всего километра три, ну по ней еще минут десять – пробок нет, машин мало, не езда, а удовольствие! Рядом со мной сел Шурик, непривычно тихий и молчаливый, за мной высокий мужик-молчун, справа сзади Антон. Антон все время хохмил, разговаривал с нарочитым одесским говором, всем своим видом показывая, насколько он коренной одессит и веселый затейник. Он и командовал – повернуть налево, повернуть направо. Кривые узкие улочки вели то в гору, но вниз, в овраг, и честно сказать – если бы не моя абсолютная память, я бы отсюда самостоятельно ни черта не выбрался. Лабиринт, да и только!

Кстати – здесь, на Молдаванке, имеются входы в знаменитые одесские катакомбы, которые до сих пор не исследованы до конца, и которые тянутся на тысячи километров под самым городом, и дальше, к морю и под гору.

Когда Антон приказал остановиться, я уже все понял. И почувствовав на шее шнур удавки, успел сунуть под нее пальцы левой руки. Держал удавку Василий,

который сидел прямо за мной. Он рычал, вопил на Шурика и на Антона, требуя чтобы они держали меня и помогли ему убрать мою руку от горла и тужился изо всех сил, упираясь коленями в спинку моего кресла. Шурик схватил мою правую руку и попытался ее удержать – я уцепился за его запястье, и одним рывком сломал его шаловливую ручонку.

Антон в это время держал меня за голову левой рукой, нависая сверху, и правой пытался оттянуть мою левую руку вниз, из-под шнура удавки. Пришлось освободившейся правой рукой схватить его за шею, и прижимая голову бандита к плечу как следует давануть. Хрустнуло, тело обмякло, дернувшись пару раз, и теперь между нами и Василием не осталось никого – Шурик в этот момент надсадно вопил, перемежая свои вопли отборным матом: «Сука! Тварь! Он мне руку сломал!» – ему было точно не до борьбы.

Я сел вполоборота, повернувшись к своему убийце, протянул руку к нему, трясущемуся от напряжения (Не рассчитал силенок, несчастный!), и не говоря ни слова – ткнул двумя пальцами в глаз негодяя. Противник дико завопил, бросил удавку и схватился за глазницу. Из-под его ладоней потекла кровь – то ли выбил ему глаз, то ли сильно повредил, но с этой секунды он перестал для меня быть противником. Вероятно, боль сейчас у него просто невероятная. Только мне его почему-то совершенно не жаль.

Подумав секунду – не выбить ли гаду второй глаз? – я врезал по морде Шурика, вопившего как потерпевший зимней ночью в лесу, Шурик сразу успокоился, сползая на пол в полном что ни на есть состоянии нокаута. Рука у меня тяжелая и мохлястая, и главное – попасть куда надо, тогда нокаут всегда обеспечен. А я умею попадать, как говорится – умение не пропьешь.

Снова повернулся к своему одноглазому теперь убийце, и левой рукой, без размаха врезал ему в висок. Подвывающий от боли разбойник тут же сполз на сиденье, пачкая его обильно льющейся кровью, а я с грустью подумал о том, что хоть сиденья копейки и сделаны «под кожу», но оттирать эту пакость придется долго и трудно. А еще – если кровь затечет куда-нибудь в укромное местечко, да там протухнет – в машине надолго, если не навсегда поселится запах разлагающегося трупа. Плавали, знаем. Жаль, что в этом времени еще нет частных моек с химчисткой и всем таким прочим. Придется отмывать салон самому.

Но это все после. А вот что делать сейчас? Моя затея с продажей машины, казавшаяся такой удачной и легкой, благополучно провалилась, и вместо денег я имею теперь одного двухсотого и двух трехсотых, которые имеют огромный шанс превратиться в двухсотых. По крайней мере мой несостоявшийся убийца – точно. Мне показалось, когда я ударил его в висок – что-то явственно хрустнуло. Неужто проспиртованная и прокуренная черепушка?

Открыл мою дверцу, вышел, открыл заднюю дверь – пощупал пульс душителя...точно! Труп, трупее не бывает. Череп оказался слишком хрупким. Или я – слишком злым и сильным.

Итак, что делать? Тупик, в который меня завезли, пока что безлюден, но кто даст гарантию, что меня не видели с бандитами? В машине кровь убитого, я был у нотариуса, так что найдут трупы убитых, выброшенные на улицу, выйдут и на меня. Тем более что эти типы могли кому-нибудь сообщить, что едут со мной встречаться. Ладно эти двое – скорее всего самые что ни на есть настоящие разбойники, но этот вот Шурик...он говорил, что у него есть семья – жена, дети, мать. Вполне мог сказать им, куда едет. И если уголовникам запахло писать заявление в милицию, Шуриным родственникам написать заяву – как два пальца об асфальт. После того, как найдут мертвым и его, Шурика. А то, что придется и его «гасить» – без всякого сомнения.

В милицию нужно ехать, сдаваться. Вот мол, напали – пришлось защищаться. Не рассчитал сил, убил. И позвонить по известному мне телефону – в Москву. Пусть вытаскивают. Что-то я ментам не верю...особенно ментам курортного города. Тут коррупция цветет алым пламенем, жулик на жулике и жуликом погоняет.

Устроил поудобнее покойников, а чтобы не бросались в глаза изобразил, что они спят, прислонив трупы к спинке. Связал руки и ноги Шурику – его же брючным ремнем и ремнем Антона. Снова пощупал пульс у Шурика – не окочурился ли, уж слишком долго он отходит от «наркоза». Но нет – жив, здоров, и его глубокий нокаут скорее всего сейчас перейдет в такой же глубокий сон. Оле Лукойе – прошу любить и жаловать! Навеваю глубокий сон! Зонтика только не хватает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/evgeniy-schepetnov/1972-oligarh>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)